

Два поколения советской интеллигенции: шестидесятники и восьмидесятники

А.В. СОКОЛОВ

Почти банальным стало утверждение: «Цикл существования интеллигенции закончился. Она выполнила свои задачи настолько блестяще, что самоликвидировалась за ненужностью» [Ерофеев 2005, с. 246]. Петербургский книгоиздатель-просветитель Д. Буланин недавно опубликовал книгу «Эпилог к истории русской интеллигенции», где сетует, что «в тех сумерках цивилизации, куда погрузилась Россия, для интеллигенции нет места» [Буланин 2005, с. 14]. Предсказывается, что на смену незадачливым отечественным интеллигентам придут предприимчивые и здравомыслящие интеллектуалы западного образца. Стало быть, интеллигентность уступит место интеллектуальности. Что это: нормальная смена или конфликтный разрыв поколений? Задача статьи: на примере поколений советских шестидесятников и восьмидесятников проследить историческую обусловленность и изменчивость интеллигентности (интеллектуальности) как интегрального качества типичной личности.

Интеллигентность и интеллектуальность

Прежде чем рассуждать о шестидесятниках и восьмидесятниках, нужно уточнить понимание интеллигенции, которого мы намерены придерживаться. Невозможно согласиться с дефинициями, общепринятыми в советское время, такими как: «Интеллигенция – социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом (ученые, инженеры, преподаватели, писатели, художники, врачи, агрономы, большая часть служащих)» [Большая советская энциклопедия 1953]. Или: «Интеллигенция – общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры» [Большая советская энциклопедия 1972].

Поверхностность этих дефиниций состоит в том, что интеллигентов отождествляют со специалистами умственного труда (служащими), владеющими определенными знаниями, умениями, навыками. Принадлежность к интеллигенции обуславливалась родом занятий работника. Если кого-то *назначали на должность* учителя, инженера, писателя, то этот человек автоматически становился интеллигентом; если его освобождали от занимаемой должности, он *выбывал* из рядов советской интеллигенции. Неконструктивность поверхностных

трактовок в том, что они игнорируют существенно важный признак интеллигентного человека – его этическое самоопределение. Специалистом может считаться любой толковый мошенник или тупица с вузовским дипломом, но отнести таких «специалистов» к интеллигентам мы не можем, хотя советские энциклопедии это допускают. Кроме того, на основе тождества «интеллигент = специалист» нельзя отличить интеллигентность шестидесятников от интеллигентности восьмидесятников.

Попробуем выработать подход, позволяющий достаточно надежно отличать интеллигента от неинтеллигента, и положим в основу этого подхода *формулу интеллигентности*. Почему «интеллигентности», а не «интеллигенции» или «интеллигента»? Потому что интеллигентность есть исходное ключевое понятие, так сказать, главный семантический множитель, посредством которого можно выразить другие понятия. Интеллигент – это человек, обладающий качеством интеллигентности, а интеллигенция – множество (социальная группа) интеллигентов. Раскрыв качество интеллигентности, мы определим сущность интеллигента и интеллигенции.

Опуская процедуру вывода формулы интеллигентности [Соколов 2005, с. 57–67], приведем конечный результат – словесную ее формулировку: *интеллигентность – интегральное качество личности, включающее на уровне, соответствующем определенному поколению интеллигенции, образованность, креативность, этическое самоопределение (этос)*.

Образованность и креативность (творческие способности) всегда считались отличительными признаками интеллигентного человека. Не случайно В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» (1881) написал, что «интеллигенция – разумная, образованная, умственно развитая часть жителей». Но образованности и креативности недостаточно, потому что их совокупность представляет собой не интеллигентность личности, а *интеллектуальность*, т. е. обладание интеллектом. Интеллект же «образованного, умственно развитого человека» может быть направлен на достижение различных жизненных целей.

Жизненное целеполагание (понимание смысла жизни) зависит от этического самоопределения (этоса). Этическое самоопределение санкционирует те жизненно важные смыслы и ценности, к достижению которых следует стремиться, те нормы и эталоны, которыми нужно руководствоваться в практической деятельности, те добродетели, которые желательно культивировать, и те пороки, которых следует избегать. Именно *этическое самоопределение* отличает интеллигента от интеллектуала, поэтому оно является необходимым элементом формулы интеллигентности.

Важно обратить внимание на *историческую обусловленность* содержания интеллигентности, которая зафиксирована в понятии «поколение интеллигенции». Поколение интеллигенции – историческая общность, характеризующаяся типичными для нее мировоззрением, интеллектно-этическими идеалами, ценностными ориентациями, социально-психологическим складом. Очевидно, что для каждого поколения интеллигенции свойственны свои нормы этического самоопределения. В этих нормах выражаются: направленность личности – альтруизм или эгоизм; отношение к оппонентам (агрессивность) – толерантность или

насилие; отношение к культуре – благоговейное почитание или потребительская эксплуатация. Это *интеллигента-гуманиста* должен включать: альтруизм + толерантность + благоговение перед культурой.

Для построения формулы интеллектуальности нужно уточнить понятие «интеллектуал», которое противопоставляется понятию «интеллигент». Не будем углубляться в зарубежную лексикографию (в зарубежных лексиконах фигурируют разные трактовки термина «интеллектуал»), а примем дефиницию авторитетного словаря Уэбстера, которая лежит в русле отечественных дискуссий об интеллигенции. Вот она: интеллектуал (intellectual) – «человек, обладающий превосходным интеллектом и полагающийся на свой интеллект больше, чем на чувства и эмоции» [Webster's Encyclopedic... 1989, p. 738]. «Превосходный интеллект», очевидно, соответствует «высокой образованности и креативности». Этическое самоопределение интеллектуала, согласно дефиниции, характеризуется отсутствием «чувств и эмоций». Это означает, что интеллектуалам, которые руководствуются своим «превосходным» разумом, чужды моральные эмоции сострадания, привязанности, благоговения, чувства совести и стыда. Место альтруизма в формуле интеллектуальности занимает эгоизм, место толерантности – интолерантность (нетерпимость), практикующая насильственные методы по принципу «цель оправдывает средства», вместо благоговения перед культурой – потребительское использование ее в качестве вспомогательного средства или источника комфорта и развлечения. В связи с этим интеллектуалу свойственны культурная индифферентность, готовность адаптироваться к любой культурной среде, отказ от самоидентификации с определенной национальной культурой. Нарисованную фигуру интеллектуала назовем *интеллектуал-циник*, учитывая, что ее этическое самоопределение характеризуют эгоизм + насилие + потребительское отношение к культуре.

Подчеркнем, что интеллигент-гуманист и интеллектуал-циник могут обладать одинаковой интеллектуальностью, т. е. одинаковой образованностью и креативностью. Они противостоят друг другу в этической сфере. Если варьировать этические параметры, характеризующие направленность личности, отношение к другим людям и отношение к культуре, можно обнаружить еще другие фигуры, соответствующие формулам интеллигентности и интеллектуальности.

Имеются три фигуры, включающие альтруистическую направленность личности, а именно: *квазигуманист*, допускающий насилие ради достижения идеологически санкционированных и альтруистически переживаемых целей, например утверждение христианства или либеральной демократии; *скептик* – высокообразованный и вольномыслящий альтруист, отвергающий насилие и критически оценивающий современную культуру, а не благоговейный перед нею¹; наконец, *нигилист*, не только подвергающий сомнению общепризнанные культурные ценности, но и склонный к их разрушению, ибо, как говорил тургеневский Базаров, «место надо расчистить». Однако русский нигилист является

¹ Скептицизм понимается здесь как философская позиция, характеризующаяся сомнением в существовании надежных критериев истины. В эпоху Просвещения скептицизм отождествлялся со свободомыслием (М. Монтень, П. Бейль и др.).

не эгоистом, а альтруистом, поскольку, как справедливо заметил С.Л. Франк, он заботится «о насущном хлебе для всех или большинства» [Франк 1991, с. 182].

Разнообразно эгоистическое самоопределение. Эгоист может быть добрым и сострадательным человеком, а может быть злым и жестоким. Он может варварски потреблять культурные ценности, а может быть их фанатичным поклонником. В общественной жизни, да и в быту, часто сталкиваешься с *интеллектуалом-деспотом*. Деспотизм, конечно, чужд альтруизму и толерантности, но он базируется на некоторых культурных ценностях, прежде всего – определенной идеологии. Содержание идеологии не имеет значения, важно, чтобы она способствовала укреплению власти деспота. Эгоистические личности представлены еще двумя фигурами: *сноб*, отвергающий насилие и уважительно относящийся к культуре², и *конформист*, толерантный, но культурно безразличный человек.

В общей сложности получается восемь фигур интеллектуального слоя, имеющих различную этическую ориентацию. Конечно, наименования фигур приняты условно ради удобства обращения к ним, и, вероятно, возможны более удачные формулировки. Но дело не в словах, а в том, чтобы решить, какие из них относятся к интеллигентам, а какие – к интеллектуалам. Наиболее подходящим критерием для этого может служить *толерантность*: интеллигент – это человек, не способный к насилию, а интеллектуал – человек, действующий по принципу «цель оправдывает средства».

Тогда получаются два класса интеллектуальных фигур, которые обыденное сознание оптом относит к интеллигенции:

фигуры интеллигентов – ГУМАНИСТ, СКЕПТИК, СНОБ, КОНФОРМИСТ;

фигуры интеллектуалов – ЦИНИК, ДЕСПОТ, КВАЗИГУМАНИСТ, НИГИЛИСТ.

Совокупность перечисленных фигур представляет собой по сути дела типизацию личностей, построенную по интеллектуальным и этическим качествам. Следует обратить внимание на то, что в данном случае речь идет о логически сконструированных идеальных типах в смысле Макса Вебера. Идеальные типы создаются не путем обобщения эмпирической реальности, а строятся исследователем при помощи мышления и воображения. Идеальный тип – это не результат познания, а познавательный инструмент социолога и историка. «Именно благодаря своей отдаленности от эмпирической реальности, своему отличию от нее идеальный тип может служить как бы масштабом для соотнесения с ним этой последней» [Гайденко, Давыдов 1991, с. 45].

Персонификация типов интеллигентов и интеллектуалов – весьма непростое дело из-за отсутствия четких границ между фигурами. Тем не менее есть, на мой взгляд, достаточно характерные персоны. К *интеллигентам-гуманистам*, по моему мнению, можно отнести Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Г.В. Плеханова, А.Д. Сахарова, а к *интеллектуалам-деспотам* – Петра Великого, И.В. Сталина, Б.Н. Ельцина. Прибегающие к насилию ради достижения альтруистических целей

² Напомню, что в соответствии с современным словоупотреблением *сноб* – «человек, считающий себя носителем высшей интеллектуальности и изысканных вкусов» [Большой толковый словарь русского языка 1998, с. 1223].

Н.Г. Чернышевский, С.Л. Перовская, Ф.Э. Дзержинский, Б.В. Савинков – классические *интеллектуалы-квазигуманисты*. Мне симпатичны *интеллигенты-скептики* П.Я. Чаадаев и В.Г. Белинский, как и гордившийся званием *нигилист* П.А. Кропоткин. Фигуры талантливых *интеллектуалов-снобов* олицетворяют М.Ю. Лермонтов, В.Я. Брюсов и Н.А. Бердяев, а А.Н. Толстого, И.А. Пырьева и многих других советских литераторов и кинематографистов я ассоциирую с *интеллигентами-конформистами*. Наконец, интеллектуальный слой замыкают знаменитые провокаторы – *циники* С. Дегаев и Е. Азеф.

К вопросу о понятии «поколение интеллигенции»

Поколение – многозначный термин, относящийся к возрастной структуре общества и к истории культуры (не будем учитывать такие метафоры, как «поколение компьютеров» или «техника нового поколения»). Для нас важно различать два основных значения:

демографическое поколение – реальное поколение (когорты) – совокупность сверстников, родившихся в течение длины поколения; *длина поколения* – интервал времени между средним возрастом родителей и их детей, который принимается 25 лет (четыре поколения в столетие) или 33 года (три поколения за столет) [Урланис 1969, с. 10]. В генеалогии различаются поколения «детей», «отцов», «дедов» и т. д., соответствующие коленам генеалогического древа. В обоих случаях имеется в виду общеизвестный жизненный цикл реального человека.

По мере взросления дети становятся отцами, а затем и дедами. По физическому строению взрослые дети подобны своим родителям, а по духовному развитию – не всегда. В традиционных обществах, где сыновья полностью наследуют образ жизни своих отцов, духовные различия незначительны. Другое дело – индустриальные и постиндустриальные общества нового времени. Здесь интеллектуально-этические отличия могут быть столь несовместимыми, что возникает пресловутый конфликт отцов и детей. Для описания этого конфликта потребовалось понятие *социально-культурное поколение*, в котором под поколением понимается историческая общность людей, характеризующаяся специфической духовностью, т. е. типичными для нее ценностными ориентациями, мировоззрением, социально-психологическими установками³. Именно в этом культурологическом смысле используется понятие «поколение интеллигенции».

Демографическое поколение существует в физическом (геометрическом, географическом) пространстве и в астрономическом времени, а социально-культурное поколение развивается в духовном, умопостигаемом пространстве социальных отношений согласно с изменениями, происходящими в социальном времени. Как уже отмечалось, смена одного демографического поколения другим, более молодым, вовсе не означает смены социально-культурных поколений, если сыновья послушно следуют нормам, идеалам, обычаям своих отцов. Можно сказать, что социально-культурное поколение, скорее, поколение миро-

³ Философско-исторические, социологические, культурологические трактовки понятия «поколение» с Аристотеля до наших дней приведены в обстоятельной статье: [Безгрешнова 2005].

воззрений, чем поколение живых людей, разделяющих данное мировоззрение, потому что люди приходят и уходят, а господствующие взгляды и идеи могут оставаться относительно стабильными.

Отсюда следует, что хронологически длина демографического поколения меньше длины социально-культурного поколения, потому что один и тот же человек не может быть субъектом разных мировоззрений. Конечно, в течение жизни мировоззрение современного «отца», активно участвующего в общественной жизни, может модернизироваться, но оно не может совпасть с мировоззрением «сына» в силу инерционности менталитета и различия личного биосоциального опыта. Поэтому можно говорить о поколениях шестидесятников и восьмидесятников (отцах и детях), а вставить между ними «поколение семидесятников» нельзя.

Нужно иметь в виду еще одно уточнение. В зависимости от субъекта как демографическое, так и социально-культурное поколение может быть массовым или групповым. *Массовое поколение* охватывает всю совокупность современников, а *групповое поколение* – современный состав отдельной социальной группы, например интеллигенции. Смешение этих разных по содержанию понятий ведет к путанице. Социолог В.В. Семенова резонно задается вопросом: «Проблематичным и недоказанным является понятие “шестидесятники” как массовое поколение, оказавшее влияние на всю социальную жизнь общества. Не является ли это образование только лишь интеллектуальным движением и потому значимым только для людей интеллектуальной сферы, пишущих о том времени?» [Семенова 2005, с. 85]. Семенова совершенно права! Мы будем понимать «поколение интеллигенции» как *групповое социально-культурное поколение*. Причем точно так же, как современниками, т. е. живущими в одно и то же время, являются отцы, сыновья, а иногда и деды, одновременно (синхронно) сосуществуют, конфликтуя друг с другом, хронологически смежные социально-культурные поколения. Например, в наши дни сталкиваются мировоззрения интеллигентов-шестидесятников и интеллектуалов-восьмидесятников.

Можно сделать вывод, что понятие «поколение» стало межнаучной категорией, или, как выразился социолог культуры Б.В. Дубин, «метафорой в языке социальных наук и наук о культуре» [Дубин 2005, с. 66]. Эта «метафора» нужна для того, чтобы идентифицировать социальных субъектов, описывать конфликты «отцов и детей», обозначать «разрывы» и культурную преемственность возрастных групп. Мы попытаемся проследить преемственность двух поколений советской интеллигенции – шестидесятников и восьмидесятников, поневоле касаясь предшествующего им героического поколения и последующего постсоветского поколения.

Комсомольская юность поколения шестидесятников

Поколение шестидесятников является вторым поколением советских людей, воспитанных в советской школе в условиях советского социализма. Время рождения этой демографической когорты 1926–1945 гг., а фаза личностного формирования, восхода поколения ограничивается датами 1956–1968 гг. Первая дата – XX съезд КПСС, отвергнувший культ Сталина; вторая дата – подавление «пражской весны», знаменовавшее конец либеральных иллюзий и начало идеологических заморозков. Зрелость поколения пришлась на 1970–1980-е годы, а фаза заката – последнее десятилетие XX в.

Для поколения шестидесятников характерен мощный образовательный порыв, имевший место в 1950–1960-х годах. Благодаря вечернему и заочному обучению без отрыва от производства 40% молодых рабочих получили высшее образование, а еще 40% – среднее специальное. Таким образом, интеллектуальный слой пополнился энергичными и целеустремленными молодыми специалистами. Если в 1950 г. насчитывалось 1442,8 тыс. работников с высшим образованием, то в 1960 г. их стало 3545,2 тыс., а в 1970 г. 6852,6 тыс. (рост за 20 лет в 4,75 раза). Рост этот, кстати говоря, продолжался и в последующие годы, так что в 1989 г. в стране насчитывалось 20,6 млн специалистов с высшим образованием, что означало кризис перепроизводства [Волков 1999, с. 30].

Затруднительно дать логически четкую дефиницию поколения шестидесятников. А. Галич выразился витиевато: «Мы – цветы середины столетия». Е. Евтушенко блеснул афоризмами: «Шестидесятники – это Маугли социалистических джунглей» или «Шестидесятники – это поколение генетически предрасположенных к страху, но начавших его побеждать» [Евтушенко 1998, с. 7; 148]. Присмотримся внимательнее к этому поколению интеллигенции, учитывая, что в разные фазы своего жизненного пути оно выглядело по-разному.

О чем мечтались молодым шестидесятиникам в 1960-е годы на этапе своего духовного формирования? В начале 1961 г. недавно созданный Институт общественного мнения при газете «Комсомольская правда», который возглавил молодой и энергичный социолог-шестидесятник Б.А. Грушин, провел анкетный опрос читателей газеты на тему «Что Вы думаете о своем поколении?». Анкета была небольшой, всего 12 вопросов, но респонденты по собственной инициативе часто предлагали информацию о себе и своих жизненных планах, делились раздумьями о своем поколении и о будущем страны. В общей сложности было получено 19 тыс. анкет, из которых 17,5 тыс. были отобраны для изучения. Кроме того, был проведен дополнительный опрос ста авторитетных в стране государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, педагогов, представлявших героическое поколение советской интеллигенции, относительно их мнения о молодежи 1960-х годов. Полученные данные были первоначально опубликованы в 1962 г. [Грушин, Чикин 1962], а почти сорок лет спустя в несколько отредактированном виде включены в сборник социологических исследований [Грушин 2001].

Социально-демографические характеристики респондентов выглядели следующим образом: возрастные границы 15–30 лет (юноши и девушки комсомольского возраста); род занятий – рабочие, служащие, военнослужащие, студенты, школьники и др.; образование: незаконченное среднее, среднее, высшее; 65,4% – жители средних городов, 16,6% – жители крупных городов; 11,1% – сельские жители; 6,9% – москвичи. Из 17,5 тыс. опрошенных 10,3% были студентами, 8,9% имели высшее образование и 23,3% профессионально занимались умственным трудом. Между различными группами респондентов расхождения были незначительны, поэтому будем оперировать общими результатами.

Более 95% опрошенных заявили, что имеют определенную жизненную цель. На вопрос «В чем состоит цель Вашей жизни?» было получено следующее распределение ответов (в процентах):

служить народу, приносить пользу Родине – 33,5;

стать первоклассным специалистом, в совершенстве овладеть профессией – 33,2;
 стать настоящим коммунистом, всесторонне развитым, высокоморальным человеком – 15,6;
 стать деятелем литературы и искусства – 5,9;
 создать хорошую семью, воспитать достойных детей – 4,2;
 совершить открытие, сделать что-либо выдающееся – 2,6;
 выгодно вступить в брак – 2,3;
 стать знаменитым спортсменом – 1,3;
 иметь много денег, проводить жизнь в развлечениях и удовольствиях – 0,1,
 т. е. один человек на 1000 опрошенных.

На вопрос «Что Вы должны сделать для достижения своей цели?» были получены ответы (в процентах):

продолжать образование – 63,4;
 упорно, творчески трудиться – 29,0;
 совершенствовать свои личные качества – 21,6;
 копить деньги – 0,4.

Почти 82% опрошенных выразили уверенность в том, что они обязательно добьются достижения своей цели. Целеустремленность, гражданская и идеологическая выдержанность сочетались с высокой самооценкой советской молодежи. 78,7% респондентов заявили, что им нравится их поколение, что они гордятся его делами. Критически настроенных оказалось всего 13,7%, остальные не дали определенного ответа. Более того, обнаружилось сверхъестественное самодовольство: 20% молодых людей студенческого возраста 18 лет – 22 года заявили, что у советской молодежи вообще нет широко распространенных отрицательных черт! Правда, 23,4% самокритично признали увлечение спиртными напитками, 16,6% осудили подражание западной моде и стиляжничество, 14,7% – невоспитанность чувств в этическом и эстетическом планах. Менее 10% были встревожены недостаточной культурой поведения, пассивностью, иждивенчеством, несамостоятельностью и всего только 2,4% отметили у некоторых молодых людей мещанские ориентации, корыстолюбие, стремление к обогащению.

Перечисленные недостатки нельзя считать пороками, толкающими на путь разврата и девиантного поведения; скорее – это простительные слабости, недоработки в коммунистическом воспитании. Зато какими положительными чертами блещет советская молодежь! По мнению студентов и дипломированных специалистов, их сверстникам свойственны (в процентах): целеустремленность – 85,0; патриотизм, любовь к Родине – 32,0; высокие моральные качества (воля, мужество, правдивость, чуткое отношение к людям и пр.) – 31,0; преданность партии, идеям коммунизма – 22,1; стремление к знаниям – 20,3; сознательное отношение к труду, трудолюбие – 19,8; коллективизм – 14,9; жизненная активность, энтузиазм – 12,0; стремление к новому – 6,2; миролюбие, стремление к миру – 6,0. Великолепные показатели! Они хорошо коррелируют с ценностными ориентациями и жизненными планами молодежи, отраженными в других ответах на вопросы анкеты.

Возможно, что социально-психологические качества молодежи были идеологически подретушированы в угоду времени, но все-таки этот макияж не мо-

жет скрыть антропологические черты homo soveticus, а именно: простота интеллектуальных и эстетических запросов и вкусов, инфантильность (преданность «своим» и нетерпимость к «чужим»), несамостоятельность мышления, отказ от критики), соборность (коллективизм, стремление быть «как все»), непритязательность (осуждение мещанства, корыстолюбия), простодушный сервилизм – готовность самоотверженно служить народу, Родине, партии.

Молодые шестидесятники хорошо помнили героину Великой Отечественной войны, участвовали в послевоенном строительстве, на их счету были целина и комсомольские стройки, спортивные победы и немало других героических свершений. Гордость за свою Родину и патриотическое служение ей были искренним переживанием и жизненным стимулом для миллионов молодых людей. Бескорыстный коммунистический труд, субботники и воскресники, дежурства и рейды, третий трудовой семестр, десятки тысяч комсомольцев-добровольцев – разве было где-нибудь когда-нибудь нечто подобное? Романтика дальних странствий и трудовых будней вытесняла семейную идиллию и расчетливую предусмотрительность, а мещанские солидные добродетели презирались и отвергались, как смертный грех.

Сказанное свидетельствует о духовной преемственности, о родственной близости между сыновьями-шестидесятниками и героическим поколением их отцов. Не случайно героические отцы единодушно и восторженно приветствовали своих сынов и внуков. Анкетирование читателей «Комсомольской правды», как уже говорилось, сопровождалось опросом авторитетных людей старшего поколения. Мнение умудренных тоталитарным опытом экспертов выражают реплики: «никогда ни в какой стране не было такой замечательной молодежи», «чудесная молодежь!», «люблю, горжусь и уважаю» и т. п. Правда, есть немногочисленные ворчливые реплики о неоднородности, о расслоении, о презренных «тунеядцах», но они тонут в хвалебном хоре. Приведу несколько высказываний.

Поэт М.В. Исаковский (1900–1973): «Подавляющим большинством нынешней советской молодежи я безусловно и вполне доволен. Это все молодежь здоровая, чистая в своих помыслах и стремлениях, талантливая, – одним словом, хорошая или даже отличная». Педагог В.А. Сухомлинский (1918–1970): «Нынешнее поколение советской молодежи дорого мне, я влюблен в него; глубоко верю в его чистое сердце, ясный ум, трудолюбивые руки». Министр обороны СССР маршал Р.Я. Малиновский (1898–1967) был по-военному лаконичен: «Нашей молодежи даю самую высокую оценку. Современное поколение советской молодежи отличается высоким чувством ответственности за судьбы Родины, трудовой героизм, готовность к подвигу, коллективизм и товарищество». Академик С.Л. Соболев (1908–1989) с присущей математикам однозначностью заявил, что «сегодняшнему поколению советской молодежи принадлежит будущее, и оно сумеет правильно построить его».

Восторги героических отцов объясняются тем, что молодежь 1960-х годов обладала поистине экзотической чертой – почитание ценностей старшего поколения как своих собственных. Обычный для прогрессивно развивающихся обществ конфликт отцов и детей в данном случае отсутствовал. Дети охотно и безоговорочно в массе своей принимали культурное наследие отцов, вставали

под их знамена, повторяли их символ веры: коммунизм – светлое будущее всего человечества. Беда в том, что репродуцирование мировоззрения дедов в сознании внуков означает духовный застой. Поэтому никак нельзя разделить радостный энтузиазм Героя Социалистического Труда П.Ф. Кривоноса, провозгласившего: «Сегодняшнее поколение советской молодежи стоит на правильном, ленинском пути; мы можем спокойно доверить ему дело завершения строительства коммунизма в нашей стране». Не сбылись надежды героев-отцов.

Суть шестидесятничества

Социологи 1960-х годов не ставили и не могли ставить задачу выявить вариации в морально-политическом единстве советской молодежи. Однако в позднейшей публикации Б.А. Грушин пишет, что им удалось обнаружить «глубокие разрывы в отношении к базовым принципам, лежащим в основании общества», что «наряду с отрядами молодых людей, выступавших опорой партии и государства, удалось зафиксировать и первых скрытых и явных, осознающих и не осознающих себя в подобном качестве *диссидентов*» [Там же, с. 194]. Социологи сделали акцент на политической позиции респондентов, а не на их интеллектно-этических качествах, поэтому полученные ими социальные портреты демонстрируют лики шестидесятников, но не суть шестидесятничества.

Суть шестидесятничества заключается в пробуждении духа русской интеллигентности в этом поколении. Типичный советский интеллигент героического поколения, согласно критерию этического самоопределения, был интеллектуал (приверженность коллективному эгоизму, склонность к насилию, потребительское отношение к культуре). Воспитанная в традициях Серебряного века Н.Я. Мандельштам заметила: «Люди, совершавшие революцию и действовавшие в двадцатые годы, принадлежали к интеллигенции, отрекшейся от ряда ценностей ради других, которые она считала высшими. Это был поворот на самоуничтожение. Что общего у какого-нибудь Тихонова или Федина с нормальным русским интеллигентом? Только очки и вставные зубы. А вот новые – часто еще мальчишки – их сразу можно узнать и очень трудно объяснить, каковы те признаки, которые делают их интеллигентами. Итак, они появились, и это процесс необратимый» [Мандельштам 1970, с. 352–353].

В 1960-е годы появилось множество образованных молодых людей, чаще всего – гуманитариев, которые отвергали мещанские соблазны и расчетливый прагматизм, предпочитали жить духовными интересами, тратя последние деньги на книги, театры, выставки. Культуроцентричность образа жизни – отличительная черта интеллигентности, но есть и другие черты, которые делают книжников-шестидесятников похожими на типичных интеллигентов. Прежде всего – альтруистическая озабоченность будущим русского народа. Они бесконечно спорили по своим маленьким московским кухням о «вечных вопросах» русской интеллигенции: В чем ее историческая миссия России? Кто виноват? Что делать? Может быть, это и есть те «труднообъяснимые признаки», о которых говорила Н.Я. Мандельштам?

Культурное наследие героических отцов презрительно отвергалось возмужавшими шестидесятниками, его заслонил блистательный Серебряный век, вос-

становленный по крохам, сохранившимся в социальной памяти. Если в пору комсомольской юности шестидесятников действовала непосредственная преемственность «отцы – дети», то атмосфера духовной «оттепели» способствовала образованию парадоксальной, казалось бы, преемственной связи «деды – внуки». Книги в дедовской библиотеке, случайные находки в книжных развалах или в библиотечных фондах, семейные предания тревожили разум и воображение, словно приветы легендарной Атлантиды. Самое же главное – были живы еще старики, интеллигенты революционного поколения. Благодаря им, любознательные внуки «привыкли легко перебегать из одной эпохи в другую и быть накоротке с культурой начала века и двадцатых годов, думать о ней, ценить ее не поверхностно и отчужденно, а изнутри, свободно и глубоко» [Кумпан 2000, с. 30].

Упомянем еще один «труднообъяснимый признак» русской интеллигенции, возродившийся в 1960-е годы, – оппозиционность господствующей власти. Шестидесятничество – первая легальная, мягкая оппозиция советскому тоталитаризму. Эта оппозиция первоначально, в фазе восхода поколения, исходила не из общей порочности и полного отрицания советского строя, а бичевала нарушение ленинских норм и подлинной коммунистической этики вредными, подлыми и глупыми перерожденцами. Творчество популярных поэтов-шестидесятников, выражавших духовность поколения, отличалось интимно-лирической взволнованностью, подкупающей откровенностью, эмоциональной свежестью. Театрализованные выступления в концертных залах и на стадионах Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Булата Окуджавы, других бардов вызывали озабоченность властей, потому что они вырывались за предписанные нормы тоталитарного искусства и были как бы оппозиционным вызовом. Именно вызовом, а не призывом к действию, поэтому оппозиционность шестидесятничества была игровой, а не террористической.

Итак, в фазе восхода поколения молодые шестидесятники были фактически верными продолжателями дела отцов и не выходили за пределы игровой фронды. Однако после августа 1968 г., когда советские танки прикончили «пражскую весну», наступил период зрелости, фаза расцвета поколения шестидесятников, когда начал проявляться их творческий потенциал, требующий критического переосмысления коммунистической идеологии. 1970-е годы стали свидетелями конфликта стареющих отцов и мужающих детей. Героические отцы в лице консервативной геронтократии, располагавшей мощным идеологическим аппаратом и репрессивными органами, со второй половины 1960-х годов начали грубо ограничивать свободное развитие духовной жизни страны (после травли Б. Пастернака последовали судебные процессы И. Бродского, А. Синявского и Ю. Даниэля). Наступление «нео сталинизма» встревожило антитоталитаристов старшего поколения и вызывало у критически мыслящих молодых шестидесятников разочарование, тягостную фрустрацию. Эти настроения послужили стимулом для движения диссидентства.

Диссидентские проявления сути шестидесятничества

Диссидентство не было единым социально-культурным движением, подобным, допустим, народничеству XIX в. Диссидентские группы не имели общих целей,

идеалов, мифов, их ничто не объединяло, кроме непримиримой оппозиционности к советскому строю. В рядах диссидентов были эмигрантские группы евреев и немцев, желающие покинуть страну, были прибалтийские, украинские, закавказские националисты, были сектанты-баптисты, пятидесятники, кришнаиты. В составе этих групп можно обнаружить интеллектуально развитые личности, но считать эти группы интеллигентскими нельзя. Интеллигентское ядро диссидентства образовали, во-первых, правозащитники, объединявшие либералов-западников и патриотов-почвенников; во-вторых, литераторы и художники, отвергающим социалистический реализм; в-третьих, прогрессивные православные священнослужители, такие как А. Мень, С. Желудков, Г. Якунин; в-четвертых, ортодоксальные марксисты-ленинцы вроде братьев Роя и Жореса Медведевых. Все они выступали против реабилитации Сталина, за демократию, интеллектуальную свободу и гласность, осуждали политические репрессии, опирались на социальную базу в лице интеллигентов-шестидесятников. В качестве признанных авторитетов, точнее говоря, – пророков интеллигентского диссидентства признавались А.Д. Сахаров и А.И. Солженицын. (Многозначительно название книги: *Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка*. М.: Время, 2004.)

На мой взгляд, очень хорошо рассказал о диссидентах-шестидесятниках А.Д. Синявский, в 1966–1971 гг. отработавший свой срок в Дубравлаге под Потьмой. Основываясь на личном опыте, он отметил следующие особенности:

а) диссиденты в своем прошлом чаще всего «очень идейные советские люди с революционными идеалами», это «дети советской системы», «порождение самого советского общества послесталинской поры, а не какие-то чужеродные в этом обществе элементы и не остатки какой-то старой, разбитой оппозиции»; в связи с этим «нельзя назвать диссидентами Пастернака, Мандельштама или Ахматову, поскольку они связаны с дореволюционными традициями русской культуры»;

б) диссиденты – «не политическая оппозиция, которая борется за власть»; они заметно отличаются от русских революционеров прошлого тем, что «политический акцент в диссидентстве вообще притушен и на первый план выдвигаются интеллектуальные и нравственные задачи»;

в) у диссидентов «детская вера в справедливость коммунизма уступает место индивидуальному разуму и голосу собственной совести; поэтому диссидентство – это, прежде всего, движение интеллектуальное, это процесс самостоятельного и бесстрашного думанья», связанный «с чувством моральной ответственности, которая лежит на человеке и заставляет его независимо мыслить, говорить и писать без оглядки на стандарты и подсказки государства» [Синявский 1985, с. 134–135].

Побуждающим стимулом для перерастания игровой оппозиционности, выражающейся в бардовской песне и беззлобном пародировании, в диссидентское движение «ненасильственного сопротивления» послужило морально-нравственное начало: эмоциональный протест против тотальной лжи, вопиющей глупости, произвола и насилия правящего режима. Отсюда – призыв «жить не по лжи», требование соблюдения прав человека и свобод, провозглашенных еще в «сталинской конституции» 1936 г. В ответ власть объявила правдолюбивым интеллигентам бескомпромиссную войну на уничтожение с использованием тюрем, ис-

правительных колоний, спецпсихбольниц, не говоря об увольнении с работы, шумных кампаниях дискредитации и т. д. Почему? Ведь диссиденты протестовали только словом, они принципиально воздерживались от насилия, не требовали смены режима, а их преследовали как уголовных преступников и террористов.

Дело в том, что в диссидентской этике тоталитаризм увидел угрозу для своего существования. Выступая за утверждение гуманизма, социальной справедливости, либерально-демократических свобод, разоблачая лживость коммунистической идеологии и осуждая государственное насилие, диссиденты подрывали устои тоталитарной системы, основанной на безропотном подчинении масс, идеологизации общественной жизни, псевдорелигиозном культе вождей, всемогущем репрессивном аппарате. Поэтому они рассматривались властью не как безобидные поборники альтруизма, толерантности и культуры, а как опасные политические противники. Можно сказать, что столкнулись две антагонистические этики: этика интеллектуалов-тоталитаристов и этика интеллигентов-диссидентов. Получается, что диссидентское движение, вопреки своим первоначальным намерениям и заявлениям, представляло собой не морально-нравственное течение, а ненасильственное этико-политическое сообщество. Это сообщество по интеллектуально-этическому облику подобно этико-политической субкультуре народников XIX в., хотя их цели, идеологии, культурно-образовательный уровень значительно отличаются.

Хронологические рамки диссидентского движения охватывают 1959–1989 гг., т. е. ровно 30 лет. Становление диссидентства (1959–1968) связано с *самиздатом*, который стал неизменным спутником диссидентов-интеллигентов. Самиздат – по словам В. Буковского – «это такой литературный процесс, когда сам сочиняю, сам цензирую, сам издаю, сам распространяю, сам и отсиживаю за это» [Буковский 1978, с. 126]. Согласно легенде, термин «самиздат» ввел в оборот поэт Николай Глазков, пародируя советские канцеляризмы «госиздат», «политиздат», «профиздат» и т. д. Использовались две формы реализации самиздата: машинописная (для прозы, поэзии, публицистики) и магнитофонная (для распространения главным образом бардовских песен).

В 1959 г. Александр Гинзбург выпустил первый номер машинописного литературного журнала «Синтаксис». До ареста в 1960 г. он успел выпустить еще два номера журнала. Несмотря на репрессии, самиздатовская журналистика быстро набирала темпы, и в начале 1960-х годов выходило 5 самиздатовских журналов. В самиздате возродился интеллигентский литературоцентризм, изведенный советской властью. Содержание самиздата образовали:

- поэзия Серебряного века – О. Мандельштам, Н. Гумилев, М. Цветаева, Б. Пастернак и др.;

- романы и повести М. Булгакова, В. Гроссмана, А. Платонова, А. Солженицына, В. Максимова, Е. Гинзбург, В. Шаламова и др.;

- диссидентская публицистика А. Амальрика, Г. Померанца, И. Шафаревича, А. Сахарова, А. Солженицына и пр.;

- записи судебных процессов, изобличающие неправоудие советского суда.

Самиздат дополняли произведения «тамиздата», нелегально доставляемые в СССР. Первым прецедентом тамиздата была публикация в 1957 г. в Милане

романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Участие в самиздате и тамиздате рассматривалось как «антисоветская агитация и пропаганда» или (другая статья) как «изготовление и распространение документов, порочащих советский государственный и общественный строй» и каралось многолетним заключением в исправительно-трудовых колониях строгого режима с последующей ссылкой.

С 1968 г. диссидентство приобрело контуры широкого оппозиционного движения, получившего сочувственный отклик в среде советской интеллигенции и поддержку из-за рубежа. Самиздат перестал быть коммуникационным каналом сравнительно узкого круга убежденных антисоветчиков. Он был востребован массой советской интеллигенции. Машинописная копия или фотокопия самиздатовской публикации прочитывалась десятками, иногда и сотнями людей, зачитывалась до дыр.

Хочу подчеркнуть, что лидерами диссидентства были люди гуманные и бескорыстные, интеллектуально зрелые, творчески активные, владеющие высотами современной науки, литературы, культуры. Так, А.Д. Сахаров и А.И. Солженицын в представлении не нуждаются. Но, кроме них, в рядах диссидентов оказались член-корреспондент Академии наук СССР математик И.П. Шафаревич, выдающиеся логики А.А. Зиновьев и А.С. Есенин-Вольпин, замечательные литературоведы и писатели Л.З. Копелев и А.Д. Синявский, талантливые поэты и писатели А.А. Галич, Ю.О. Домбровский, Н.М. Коржавин, В.П. Некрасов, Л.К. Чуковская и многие другие представители культурной элиты.

Нельзя не обратить внимания на то, что в авангарде диссидентского движения были представители старшего, героического поколения, родившиеся в 1919–1925 гг. Многие участвовали в Великой Отечественной войне, все они сделали неплохую карьеру и были вполне благополучными, хорошо обеспеченными и уважаемыми в советском обществе людьми: академиками, профессорами, популярными писателями, кинематографистами. Почему они бросили отчаянный вызов всемогущему тоталитаризму, добровольно выбрав долю узников и изгоев? Потому что не могли жить во лжи, не по совести. Их увлек тот безрассудный моральный зов, который знаком русской интеллигенции со времен декабризма и народничества и который не понятен рациональным приобретателям-интеллектуалам.

Шестидесятники, конечно, также внесли свой вклад в диссидентское движение. Книги А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», В. Буковского «И возвращается ветер...», А. Марченко «Мои показания» вошли в золотой фонд самиздата, встав рядом с «Архипелагом ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Писатели, художники и музыканты поколения шестидесятников стали создателями *андерграунда*, так называемой второй культуры, которая отвергла рамки официально насаждаемого стиля социалистического реализма. В изобразительном искусстве распространился пародийный *соц-арт*, представлявший собой «игру с идеологией», где доводились до абсурда и комической бессмыслицы официальные нормативы. Звездой неформальной музыкально-поэтической сцены стал Владимир Высоцкий – кумир советской интеллигенции 1970-х годов. Диссидентское движение завоевало международное признание и авторитет. Об этом свидетельствует присуждение А.И. Солженицыну в 1970 г. Нобелевской премии в области литературы, а в 1975 г. – Нобелевской премии мира А.Д. Сахарову.

1979–1989 гг. – последний этап советского диссидентства, который можно назвать этапом победоносной эмиграции. Он начался с вытеснения его за пределы советского государства, а закончился триумфальным возвращением в эпоху горбачевской перестройки. В середине 1970-х годов советские спецслужбы перешли в решительное наступление. Большинство лидеров диссидентства добровольно или вынужденно покинуло страну, пополнив собой третью волну эмиграции, которую по праву можно назвать «диссидентской». Оставшиеся оказались в колониях или ссылках, были лишены возможности выступать публично. У заместителя председателя КГБ генерала С. Цвигуна были основания для того, чтобы громогласно заявить: «Маскировавшиеся под “правозащитников” и “поборников демократии” антиобщественные элементы ныне разоблачены и обезврежены» [Цвигун 1981, с. 98].

Центр правозащитного движения переместился в западные страны, где энергично действовали высланные из страны диссиденты, как правило, не без помощи ЦРУ и других разведцентров. Крупнейшими русскоязычными издательствами были «Посев» (Франкфурт-на-Майне), YMCA-Press (Париж), «Третья волна» (Париж), «Эрмитаж» (США), а также около десятка менее крупных книгоиздательских фирм. В 1970–1980-е годы за пределами Советского Союза издавались около 25 журналов и газет на русском языке (Более подробно: [Базанов, Шомракова 2003]). Кроме того, эмигрантов третьей волны приглашали к сотрудничеству радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Би-би-си». Таким образом, голос изгнанных диссидентов постоянно слышался на родине.

Перебравшиеся за рубеж совестливые интеллигенты не образовали дружную семью единомышленников. Они были едины в отрицании советского строя и коммунистической доктрины, но расходились в определении конечной цели своей борьбы – будущего России. В середине 1970-х годов четко обозначились два противоположных течения: 1) *национально-религиозное*, патриотическое во главе с Солженицыным, который опубликовал в самиздате в 1974 г. «Письмо вождям Советского Союза», где с присущей ему категоричностью провозгласил свою концепцию; 2) *глобально-либеральное*, западническое, идеологию которого еще в 1968 г. академик Сахаров изложил в трактате «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», получившем широкое распространение в самиздате.

Полемика между патриотами-русофилами и западниками-космополитами известна русской интеллигенции с середины XIX в., и она продолжается до сих пор. В среде эмигрантов третьей волны эта полемика обострилась до скандальных форм. А.Д. Синявский в «Открытом письме А. Солженицыну» упрекает адресата в «нетерпимости и фанатизме», в «авторитаризме», в «позе духовного жандарма», который «травит третью эмиграцию» за то, что она не покаялась в грехах своих и т. д. [Синявский 1991, с. 159–162]. Безотрадную картину «нравственной невменяемости», «обложного предательства», «непомерного тщеславия и честолюбия», а порой – чванства и хамства, обнаружившихся в среде русских диссидентов-эмигрантов в 1970-е годы, рисует в своих мемуарах В.В. Белоцерковский, хорошо знавший эту среду [Белоцерковский 2005]. Возможно, что третья эмиграция, погрузившись в свои «семейные дразги», постепенно

омещанилась и утратила бы благородную интеллигентность. К счастью, этого не произошло. Тот же Белоцерковский, «глядя из сегодняшнего дня» и не отказываясь от суровой критики, тем не менее утверждает: «Диссидентство представляло лучшую часть советского общества!» [Там же, с. 171].

Мифология шестидесятников

Духовность шестидесятничества не будет раскрыта полностью, если оставить в стороне интеллигентскую мифологию поколения. Начнем с обличительного мифа о двойном сознании советской интеллигенции. Этот миф впервые прозвучал в самиздатовских статьях писателя и философа-шестидесятника В.Ф. Кормера (1939–1986) в конце 1960-х годов. В 1990-е годы его философские произведения были опубликованы журналом «Вопросы философии» (1989, № 9; 1991, № 1) и изданы отдельной книгой [Кормер 1997].

Мифологические преувеличения видятся в самом понятии «двойное сознание интеллигенции». В.Ф. Кормер определяет его так: «Двойное сознание – это такое состояние разума, для которого принципом стал двойственный, взаимопротиворечивый, сочетающий взаимоисключающие начала этос, принципом стала опровергающая самое себя система оценок текущих событий, истории, социума». Раздвоение этического самоопределения интеллигенции произошло потому, что коммунистическая идеология – ее создание, никакой другой идеологии русская интеллигенция не создала, и «политика партии как была, так и остается овеществленной мыслью интеллигенции». Получается, что интеллигенция является «виновницей всех несчастий страны за всю историю Советской власти», «она причастна ко злу, к преступлению» и у нее «нечиста совесть».

Итак, делает вывод Кормер, «на всем бытии интеллигенции лежит отпечаток всепроникающей раздвоенности. Интеллигенция не принимает Советской власти, отталкивается от нее, порою ненавидит, и, с другой стороны, меж ними симбиоз, она питает ее, холит и пестует; интеллигенция ждет крушения Советской власти, надеется, что это крушение все-таки рано или поздно случится, и, с другой стороны, сотрудничает тем временем с ней; интеллигенция страдает, оттого что вынуждена жить при Советской власти, и вместе с тем, с другой стороны, стремится к благополучию». Короче говоря, «бытие интеллигенции болезненно для нее самой, иррационально, шизоидно». Поистине советская интеллигенция воплотила в жизнь максимы антиутопии Дж. Оруэлла «1984»: «Любовь – это ненависть», «Свобода – это рабство», «Мир – это война» [Там же, с. 224–226].

Мифическая преувеличенность «двойного сознания» обнаруживается, как только мы попытаемся найти реальных носителей, как формулирует философ Кормер, «дуализма самого познающего субъекта», «субъекта с раздвоенным этосом». Многочисленные интеллигентские группы, не растратившие пыл комсомольской юности, явно не страдают ненавистью к Советской власти, а, напротив, готовы честно ей служить, «питать ее, холить и пестовать». Еще более многочисленная масса безразличных конформистов сотрудничает с властью ради своего мещанского благополучия, как сотрудничала бы с любой другой платежеспособной системой, и никаких угрызений совести не испытывает, тем более что к соз-

данию коммунистической идеологии она отношения не имеет. Наконец, в интеллектуальной оппозиции обнаруживаются противники коммунистических идеалов и советского режима, которые действительно их ненавидят, желают их крушения и страдают из-за того, что вынуждены жить в советской стране.

Интеллектуальная оппозиция отчетливо делится на две части: а) диссиденты, противостоящие власти с открытым забралом, подобно правозащитникам и демонстрантам, авторам и издателям самиздата; б) «внутренние эмигранты», маскирующиеся антисоветчики. Первых нелепо упрекать в том, что они «хоят и лелеют» тоталитаризм, а вот у вторых можно обнаружить признаки раздвоения личности. Так, один из экспертов ЦК КПСС А.С. Ципко жаловался в 2005 г.: «Сама необходимость для интеллигентного человека делать из себя дурака и повторять слова о неизбежной победе коммунизма, о преимуществах социалистической экономики над капиталистической, о “загнивании капиталистического Запада” была страшной мукой для миллионов людей» [Ципко 2005].

Раздвоенный этос был весьма распространен в среде творческой интеллигенции – литераторов, художников, музыкантов, режиссеров и актеров, которые болезненно ощущали путы социалистического реализма и цензурные ограничения, но нет никаких оснований приписывать эту муку миллионам людей. Интеллигент с «раздвоенным сознанием» представляет собой этическую фигуру *конформиста*, сочетающую эгоизм, толерантность и отрицание господствующей культуры. Конечно, среди шестидесятников было немало конформистов, но нелепо обвинять в конформизме все поколение. Это обвинение, изреченное талантливым философом-диссидентом, представляет собой миф-компромат.

Другим мифом, компрометирующим шестидесятничество, является миф о глупых невеждах, «образованцах», узурпировавших высокое звание интеллигента. Воспроизведу несколько цитат: «Созданный коммунистическим режимом образованный слой, известный как “советская социалистическая интеллигенция”, отличается в целом низким качественным уровнем... Вся масса рядовых членов этого слоя стояла много ниже не только дореволюционных специалистов, но и современных им иностранных»; «Не менее чем на треть советская интеллигенция состояла из лиц без требуемого образования»; «Вместо небольшого по численности, но компетентного дореволюционного интеллектуального слоя в результате массовой “интеллигентизации” получили низкоквалифицированную, но преданную властям генерацию служащих»; «Общекультурный уровень, обеспечиваемый советским образованием, уровень гуманитарной культуры был не только ниже всякой критики, но явился, скорее, величиной отрицательной, ибо культура заменялась политграмотой»; «Советская интеллигенция понятия не имела о личном и корпоративном достоинстве»; «Образованный слой не только не имел привилегированного статуса, но считался социально неполноценной и политически подозрительной прослойкой, нуждающейся в постоянном воспитании со стороны пролетариата» [Волков 1999]. Я отношу подобную антисоветскую демагогию к негативной мифологии, потому что она голословна и бездоказательна, как и всякий миф, рассчитанный на веру, а не критический разум.

Мифам-компроматам противопоставлялись апологетические мифы. Барды-шестидесятники часто вспоминали об «интеллигентских кухнях» в стандартных

«хрущевках», где умные, а главное – честные интеллигенты, назло бдительному КГБ, обсуждали самиздат, вели бесконечные споры о правде, справедливости, России.

Чай, стихов при огарке мигающем
Перечитано-слушано всласть;
Чай, гитара Высоцкого с Галичем
Тоже здесь, а не где, родилась (Ю. Ким).

Во времена гайдаровской «шоковой терапии» обескураженные шестидесятники вспоминали кухонные бдения с ностальгической печалью: «Процесс обнищания интеллигенции (обнищания материального и духовного) принял необратимый характер. Тихо и незаметно отойдет в прошлое то, что чудом сохранялось все эти злосчастные десятилетия, точнее, весь этот злосчастный век: прекраснодушная, наивная, бедная, с вечным чувством вины и с вечной верой, воспитанная моим любимым Антоном Павловичем русская интеллигенция» [Кузичева 1992].

Перестройка – лебединая песня шестидесятников

В 1985 г. М.С. Горбачев, по возрасту и по духовному складу относящийся к шестидесятникам, инициировал перестройку, провозгласив «новое мышление», многие положения которого перекликались с мыслями, высказанными в трактате А.Д. Сахарова. Можно ли диссидентство считать непосредственной причиной горбачевской перестройки? Нет, прямой причинно-следственной связи между диссидентами и «прорабами перестройки» проследить нельзя. Но между ними есть родственная связь: и те, и другие вышли из шестидесятничества, из его игровой оппозиционности по отношению к советской власти. Они – представители одного поколения русской интеллигенции, это – родные братья. Но характеры у них разные. И тех, и других невозможно исключить из истории русской интеллигенции, потому что они в равной мере разделили трагедию поколения шестидесятников между собой. Последним актом этой трагедии стала перестройка – лебединая песня шестидесятников.

Двадцатилетний духовный застой привел страну в предкризисное состояние. Необходимость масштабных реформ в народном хозяйстве и общественной жизни была давно ясна интеллектуальной элите, и новому лидеру страны – в первую очередь. Перестройка замышлялась как коренное обновление одряхлевшего советского строя. Не случайно Горбачев и его команда отважно щеголяли революционной фразеологией, сравнивая перестройку с Октябрем. Однако интеллигент Горбачев был не революционером ленинской школы, а, скорее, оппортунистом. Об этом свидетельствуют его заявления типа: «С моей точки зрения, оптимальной формой общественного развития, соответствующей интересам граждан, является *эволюционное реформирование* общества, когда возникнет необходимость перемен» [Горбачев 1998, с. 16]. К сожалению, тактика оппортунистического реформирования, принятая Горбачевым, оказалась ошибочной. Различаются три этапа «перестроечного процесса»:

Первый этап 1985–1986 гг. был многообещающим. Новое политическое мышление, провозглашенное Горбачевым [Горбачев 1987], понималось как «подлинно научная идеология социализма конца XX в.». Во внешней политике новое мышление отличалось толерантностью, отказом от национального эгоиз-

ма, приверженностью общечеловеческим культурным нормам и ценностям, т. е. — *интеллигентностью*. Прекрасными плодами интеллигентного внешнеполитического курса стали международная разрядка и окончание холодной войны, хотя афганская авантюра продолжалась еще четыре года. Во внутренней политике успехи были гораздо скромнее.

Генеральный секретарь и его окружение для построения «социализма с человеческим лицом» использовали привычные командно-административные методы, которые только усугубляли экономические и социальные проблемы страны (характерный пример — дурацкая антиалкогольная кампания). Партийный аппарат скептически воспринимал гуманистические призывы генерального секретаря к демократической перестройке партийной работы, к плюрализму, гласности, альтернативным выборам и т. д. Вместе с тем очевидно, что если бы шестидесятники в партийном руководстве КПСС не начали рискованную перестройку, то не было бы никаких серьезных изменений в Советском Союзе, хотя всем было ясно, что «так жить нельзя».

Благие намерения интеллигентных реформаторов воплотились в красноречивые, но утопические программы. Разочарованная в бездарном начетничестве официальной идеологии советская интеллигенция с энтузиазмом откликнулась на горбачевские лозунги ускорения, перестройки, нового мышления, гласности, демократии. Никто не задумывался об утопичности этих лозунгов, которая состояла в том, что построить «социализм с человеческим лицом» предполагалось, не меняя радикально отношений собственности, экономического и политического устройства страны. Наступила, так сказать, «вторая молодость» шестидесятничества, которая оказалась недолговечной.

Второй этап 1987–1988 гг. можно назвать периодом проб и ошибок. Реально, а не утопически мыслившим реформаторам было понятно, что требуется «решительная демократизация экономических и политических отношений, очищение общества от чуждых социализму явлений, честное и открытое обсуждение предыдущей истории и современного состояния страны» [Заславская 1988, с. 35]. Конкретно. В экономической сфере нужно ограничить всевластие плановой системы и волюнтаризм министерств, ввести самоуправление предприятий, развивать конкуренцию между товаропроизводителями. В социальной сфере отменить номенклатурные привилегии, снять социальные перегородки, отделяющие руководящие кадры от массы трудящихся. В идеологической сфере устранить опеку партийных органов над хозяйственной деятельностью предприятий, изжить формализм, разрыв слова и дела, усилить гласность и активизировать средства массовой информации. В этих требованиях не звучат частная собственность, рыночная экономика, отмена цензуры, свобода предпринимательства, но и без этого их либерально-демократическая, антисоциалистическая направленность была достаточно очевидна для консервативной партократии.

Горбачеву удалось, несмотря на оппозицию партийных консерваторов, провести в жизнь законы о государственной приемке продукции, о государственном заказе, о выборности руководителей предприятий и др., но результатом этих новаций стало падение популярности генсека. Увеличивался дефицит товаров народного потребления, и росло недовольство населения бестолковой перестройкой. Были и несомненные успехи. Исчез униженный страх перед возможностью незаконных действий карательных органов. В 1987 г. была объяв-

лена политическая амнистия и принят курс на создание многоукладной экономики. Весьма успешной перестроечной акцией, положительно воспринятой в среде русской интеллигенции, было раскрепощение периодики и возвращение читателям репрессированной литературы.

Возродился традиционный интеллигентский литературоцентризм. Ослабление цензурных уз позволило широко обсуждать не только сталинские преступления, но и разоблачать античеловечность советского тоталитаризма, критиковать коммунистическую идеологию и КПСС (пока еще не развенчивая культ В.И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса). Особым успехом у советского читателя пользовалась так называемая возвращенная литература – произведения талантливых мастеров русской литературы, не вписавшихся в рамки социалистического реализма (А. Ахматова, И. Бунин, М. Булгаков, Н. Гумилев, Ю. Дембовский, Б. Пастернак, А. Платонов, А. Рыбаков и др.).

Третий этап 1989–1991 гг. – апофеоз шестидесятничества и крах советского тоталитаризма. Мечты молодых шестидесятников о свободе слова, о свободе самореализации, как и диссидентские требования демократии, идеологизации, политического плюрализма, начали на глазах воплощаться в действительность. Весной 1989 г. прошли первые альтернативные выборы в Верховный Совет СССР, когда партийные функционеры потерпели сокрушительное поражение. С 1 сентября 1989 г. в вузах перестали преподавать марксизм-ленинизм. Весной 1990 г. вновь избранный демократический Верховный Совет СССР отменил шестую статью Конституции СССР о КПСС как руководящей силе общества. В июле 1990 г. состоялся XXVIII съезд КПСС, на котором произошел раскол, положивший конец ленинской партии.

Демократическое шестидесятничество, вооруженное неукротимым духом свободы, правды, справедливости (я бы сказал – духом интеллигентности), победило обветшавший советский тоталитаризм и административно-командную систему в целом. Какой восторг! Можно было бы поздравить и неутомимых прорабов перестройки и непримиримых диссидентов-эмигрантов, если бы им удалось принести благополучие и счастье многострадальному советскому народу. К сожалению, стремительно нарастали кризисные явления. Национальные фронты прибалтийских республик объявили советскую власть оккупационной, сепаратистские настроения распространялись, как эпидемия заразного недуга. Нищающий народ роптал, демонстрации и забастовки вспыхивают повсеместно, добровольный выход из рядов КПСС стал массовым. 12 июня 1991 г. Ельцин был избран президентом России, несмотря на противодействие центральной власти.

Предпринятый в августе 1991 г. консервативными антигорбачевскими силами путч подтолкнул СССР к распаду. В декабре 1991 г. в «постсоветском пространстве» насчитывалось больше самостоятельных государств, чем было союзных республик в составе СССР. Первый и последний президент Советского Союза, «архитектор перестройки», Горбачев сложил с себя полномочия главы государства. Эпопея перестройки завершилась катастрофически. Она обернулась не созиданием, а разрушением, развалом сначала идеологии, потом партии, потом народного хозяйства, потом советского государства. Интеллигента Горбачева сменил в Кремле другой шестидесятник – Б.Н. Ельцин. Он был далек от интеллигентской гуманности, предпочитая волевой и решительный прорыв в неведомое будущее. В отличие от М.С. Горбачева, Ельцин в советники и по-

мощники взял не ровесников-шестидесятников, а интеллектуальных лидеров следующего поколения, поколения восьмидесятников (Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс, С.М. Шахрай, А.Н. Шохин и др.).

Трагедия шестидесятников в том, что, активно подталкивая нерешительно-го Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева к отказу от коммунистической идеологии, красноречиво ратуя за интеллектуальную свободу, демократию, гласность⁴, они в 1992 г. обнаружили себя не в царстве правды и справедливости, а в притоне стяжательства и насилия. Прорабы перестройки оказались невольными прорабами дикого капитализма. На их долю досталась горькая чаша разочарования и ощущение вины перед народом, перед своими дезориентированными сыновьями, перед Россией. Ельцинское правление 1991–1999 гг. – бесславный закат поколения шестидесятников. Одновременно это было время начала господства восьмидесятников, ценностные ориентации которых существенно отличались от смысложизненных установок их отцов.

Интеллектуальность поколения восьмидесятников

Поколение восьмидесятников – *самое образованное, самое умственно развитое поколение советской интеллигенции*. Рост численности студентов вузов шел форсированными темпами все советские годы. С.В. Волков приводит следующую статистику: 1918 г. – 60 тыс. студентов; 1920 г. – 207 тыс.; 1930 г. – 287,9 тыс.; 1940 г. – 811,7 тыс. (рост за десять лет индустриализации и реконструкции в 2,8 раза!); 1950 г. – 1247,4 тыс.; 1960 г. – 2396,1 тыс. (рост за десятилетие почти в два раза!); 1970 г. – 4580,6 тыс. (опять рост почти в два раза); 1980 г. – 5235,2 тыс. (начало ощущаться перепроизводство специалистов с высшим образованием и нехватка рабочих); наконец, 1990 г. – 5161,6 тыс. [Волков 1999, с. 28]. Причем начиная с 1950-х годов среди студентов постоянно возрастает доля *интеллигентов во втором поколении*, т. е. выходцев из семей служащих: если в конце 1960-х годов их было 30–40%, в конце 1980-х годов – более 60%. Ясно, что их интеллектуальный уровень был выше, чем у детей рабочих и крестьян.

Динамика роста численности разных профессиональных групп в 1940–1985 гг. представлена в табл. 1.

Таблица 1. **Численность профессиональных групп** (в тыс.)

Профессиональные группы	1940 г.	1960 г.	1985 г.
Инженеры и техники	619	3 090,8	15 008
Агрономы, зоотехники, ветеринары	153,4	578,6	1 702,3
Врачи и средний мед. персонал	627	1 820	4 329
Педагоги, библиотекари, клубные работники	836	2 440	6 493

Особенно быстрыми темпами шло увеличение числа научных работников: в 1950 г. – 162,5 тыс., а в 1985 г. – 1491,3 тыс. (рост в 9 раз!), в том числе 44,3 тыс. докторов и 463 тыс. кандидатов наук [Советская интеллигенция 1987, с. 165, 196–198].

⁴ Нельзя не вспомнить замечательный памятник эпохи перестройки — сборник статей интеллектуальной элиты того времени: [Иного не дано 1988].

СССР находился на первом месте в мире по количеству врачей, инженеров, научных работников не только в абсолютном исчислении, но и на душу населения, одновременно держа первенство по мизерности их оплаты. Ранжирование среднемесячной заработной платы по отраслям хозяйства показало, что дороже всех ценятся строительные рабочие – 1-й ранг, инженерно-технические работники и работники науки занимали 4-й и 6-й ранги; самый низкий – 17-й – был присвоен работникам культуры, медики обрели 16-й ранг, а служители искусства 15-й⁵. Можно сказать, что успешно развивалась *интеллектуализация* советского общества, что, однако, не означало роста его интеллигентности.

Ю. Поляков (родился в 1954 г.), яркий представитель интеллигентно-восьмидесятников, написал в одной из своих публицистических статей: «“Я вырос в глухое время...” – это сказано обо мне и моем поколении. Это в моем поколении появились бичи с высшим философским образованием. Это в моем поколении начался исход творческой молодежи в дворники и сторожа. Это в моем поколении явились миру инженеры-шабашники, которые, перекуривая на кирпичах возле недостроенной фермы, спорили о вполне реалистических, но совершенно нереальных тогда планах перестройки экономики... Все эти годы бессмысленно расходовались не только природные богатства страны, но и духовные ресурсы нации» [Поляков 2004, с. 217–218].

В. Ерофеев, духовный лидер восьмидесятников-интеллектуалов, пользуется несколько иными красками: «Редкие случаи благородного служения отчизне, никогда не признаваемые подозрительными современниками. Неверие в собственность, нажитую нечестно. Зуд передела. Горечь во рту – основной привкус родины. Неспособность заставить страну работать на себя. Неспособность преодолеть извечную отчужденность государства от человека. Бесконечное нытье. Словоблудие диссиды. Мартиролог. Бесконечный сволочизм русской жизни» [Ерофеев 2005, с. 57].

В этих заявлениях есть немало правды, но есть и ложь. Да, действительно, 1970-е годы, когда происходило взросление поколения восьмидесятников, можно назвать «глухими» в том отношении, что правящие страной престарелые лидеры героического поколения были «глухими» к требованиям времени и упрямо противились какой-либо модернизации советского строя. Не случайно это десятилетие принято клеймить эпитетами «застой», «безвременье», «маразм». «Глухота» героических геронтократов заключалась в том, что они не слышали ни сигналов бедствия, подаваемых обветшавшей системой «реального социализма» брежневского типа, ни грозной поступи научно-технического прогресса, раздающейся за рубежом. Воспитанные в суровой сталинской школе семидесятилетние ветераны, заседавшие в Политбюро ЦК КПСС, любые изменения воспринимали как вражеский ревизионизм, разрушающий устои марксизма-ленинизма. Они рассматривали судебные расправы с диссидентами как проявление социалистического гума-

⁵ [Народное хозяйство СССР 1987, с. 43]. Кстати, в царской России умственный труд ценился гораздо больше, чем труд физический. В 1913 г. средний заработок рабочего составлял 258 руб. в год, а инженеры имели от 3-х до 8-ми тыс., учителя гимназий 900–2500 руб., земские врачи 1200–1500 руб., а профессора вузов в среднем 3–5 тыс., иногда до 12 тыс. [Волков 1999, с. 14–15].

низма и заботливо оберегали пытливую молодежь от буржуазных соблазнов, неустанно латая сталинский «железный занавес». Им хотелось, чтобы в сознании поколения восьмидесятников, учившихся в советских школах и вузах, закреплялись те же коммунистические стереотипы, которые были известны их отцам и дедам. Отсюда – ощущение застоя, неподвижности исторического времени, с которым вовсе не желало мириться молодое поколение.

Духовное единство отцов и детей, украшавшее 1960-е годы, в 1970-е годы распалось, как гнилая ткань. Дети не слышат поучения родителей, родители не слышат пожеланий детей, – пожалуй, такое время, действительно, можно назвать «глухим». Главная опасность глухоты, поразившей руководство социалистической сверхдержавы, заключалась в том, что она обрекала страну на падение интеллигентности, а молодежь – на олигофрению, т. е. умственную отсталость, слабоумие. Здесь начинает проявляться не застой, а скорее, как выразился В. Ерофеев, «бесконечный сволочизм русской жизни».

Перестройку нельзя назвать «глухим временем» отечественной истории. Это была эпоха гласности и свободы слова, неистощимого красноречия и неутолимой жажды правды, эпоха пробуждения, возрождения, брожения беспокойного духа русской интеллигентности после анабиоза советских десятилетий. Этот дух не мог не увлечь воображение прилежных учеников советской школы, поколение которых находилось в фазе восхода в середине 1980-х годов. Если отцы-шестидесятники стали лидерами перестройки, то сыновьям-восьмидесятиникам досталась роль ее социальной базы. Старшее поколение видело в перестройке революцию в идеологии, экономике, политике, а молодое воспринимало ее в этико-эстетическом плане, как победу «добра и красоты» над «злом, насилием, уродством».

Молодые восьмидесятники стали свидетелями борьбы консерваторов и прорабов перестройки, демократов и патриотов, формалов и неформалов – сначала в телеэфире, а в августе 1991 г. на улицах Москвы. Кто-то из восьмидесятников защищал Белый дом от танков ГКЧП, многие радовались уходу незадачливого Горбачева, некоторые надеялись на твердую руку демократа Ельцина, почти все сокрушались по поводу распада «нерушимого Союза республик свободных», и буквально всех потрясла «шоковая терапия» решительного Гайдара. Так или иначе, но участие в российской драме последних лет XX столетия стоило восьмидесятиникам *культурной травмы*, наложившей отпечаток на менталитет поколения.

Культурная травма восьмидесятников

Понятие «культурная травма» введено в научный оборот польским социологом П. Штомпкой. Согласно его «теории культурной травмы», реформы и трансформации в современном обществе неизбежно приводят к девальвации накопленного людьми жизненного капитала – знаний, привычек, ценностных ориентаций. Общественное сознание оказывается расколотым, дезориентированным [Ядов 2006, с. 31–32]. В результате происходит утрата идентичности, которую большинство восьмидесятников формулирует однозначно: «Мы получили воспитание при застойном социализме, а взрослеть нам выпало при диком капитализме». Вот более развернутые суждения «детей перестройки», полученные во время наших опросов.

«Перестройка подействовала на нас магическим образом. Мы читали все подряд: публицистику, воспоминания, “возвращенную литературу”. Помню до сих пор то пьянящее чувство свободы и торжества. Хотя жить было трудно, голодно, но ужасно весело. Нам казалось, что теперь, когда рухнул тоталитаризм, горы можно свернуть. А потом настала пора неуверенности, безденежья, безработицы, бандитского беспредела»; «У нас было прекрасное и действительно безоблачное детство. Мы знали, что милиционер всегда стоит на страже порядка, а защищать Родину – почетная обязанность. Нам всем пришлось приспосабливаться к новой жизни, ведь те идеалы, в которые мы верили, оказались развенчаны»; «Моему поколению пришлось нелегко в этой жизни. Мы с восторгом приняли перестройку, мы поддержали первого президента России, а потом горько разочаровались в нем. В годы повального дефицита мы растили маленьких детей, выстаивая часами в огромных очередях за продуктами питания. Мы многое умели делать своими руками. Помню, как шила одежду и даже курточки для старшего сына».

Культурная травма проявляется в отчуждении от общества и государства, в ощущении личной незащитности и ненужности перед агрессивным наступлением дегуманизации и дезинтеллигентизации. «Мы верили, что нужно еще чуть-чуть потерпеть, и все изменится, но перемен не было видно. Постепенно мы перестали верить власти, которая не защищала наших интересов. И народ был вынужден защищать себя сам. Появились решетки на окнах, железные двери. Так мы отгородились не только от государства, но и друг от друга»; «Нашему поколению очень трудно перестраиваться. В нас оставалось много социалистических черт – безынициативность, следование по накатанному пути, поэтому нам плохо удавалось подстраиваться под новый темп жизни. Мы, прежде всего, задумывались, как бы не навредить соседу»; «Чтобы выжить, приходится адаптироваться к этому жестокому миру, а это не у всех получается. Одни, плюнув на весь культурный и моральный багаж, окунулись в мир бизнеса и наживы, и в этом преуспели. Другие – либо опускаются на дно, либо где-то прозябают. Многие потянулись к религии, но идти к Богу без Бога в душе – это тупик».

Но не всех молодых восьмидесятников деморализовала культурная травма. Среди наших респондентов были оптимисты, сохранившие собственное достоинство: «В трудные времена мы нашли в себе силы, чтобы начать жизнь по-новому, оставаясь порядочными людьми»; «Мы более созидатели, чем разрушители»; «Мне нравится мое поколение, и я не променяла бы свое детство и юность на другое время. Я застала свою страну большой и великой и хочу, чтобы она вновь была бы великой, несмотря на территориальные потери» [Соколов 2007, с. 286–289]. Ученые-социологи диагностировали переживаемую современниками культурную травму как десоциализацию, утрату идентичности, социальную дезинтеграцию, аномию. Мы не будем обсуждать кризис общества в целом (См., например: [Ценности социальных групп... 1991]), а сосредоточим внимание на судьбе интеллигентности, возродившейся, напомним, в поколении шестидесятников. Насколько интеллигентно травмированное поколение восьмидесятников, господствующее в постсоветской России?

Элита поколения восьмидесятников

Одно из следствий травмы интеллектуального слоя – его раскол, распад, расслоение на многочисленные социальные группы, образовавшие, во-первых, процветающее меньшинство, нашедшее свою нишу в бизнесе, во власти, в искусстве, во-вторых, меньшинство отвергнутое, нищенствующее, в-третьих, промежуточное большинство работников умственного труда, в той или иной мере превышающее прожиточный минимум. Именно процветающее меньшинство, ориентированное на буржуазный образ жизни, именуется сейчас «элитой» и являет собой некоторую совокупность «ликов восьмидесятников». Отмечены ли эти лики печатью интеллекта?

Как известно, «лучшие люди» обнаруживаются повсеместно, во всех областях человеческой практики, хотя и не везде принят критерий «элитарности». Классическим объектом изучения элитологии является политическая элита, часто говорят об экономической, научной, военной элите, об элитарном образовании, искусстве и т. д. Нам нет необходимости обращаться ко всем элитным группам. Достаточно включить в галерею социальных ликов восьмидесятников три элитных образа: экономическую элиту, политическую элиту и интеллектуально-этическую элиту. Присмотримся к этим образам.

Экономическая элита обнаруживается, когда задаются вопросом, кому принадлежит Россия? [Кому принадлежит Россия 2003]. Фронтальное формирование бизнес-элиты началось после 1992 г. – «года ваучера», положившего начало приватизации государственной, народной, т. е. бесхозной, собственности. В это время происходит легализация теневых капиталов, бурная ротация предпринимательского корпуса и выделение наиболее крупных собственников, формализация отношений между легальным бизнесом, чиновничеством и криминальным миром. 1997 г. можно назвать годом кристаллизации экономической элиты, а также «годом аукционов», когда близкие к коррумпированной власти предприниматели приобрели за бесценок крупнейшие промышленные предприятия страны. После дефолта 1998 г. определился основной состав лидеров российской экономики, которые сообща владеют Россией и быстро приумножают свои капиталы.

В 2005 г. американский журнал «Форбс» насчитал в России 36 миллиардеров, а совокупный капитал сотни самых богатых россиян оценил в 110 млрд долларов, т. е. четверть ВВП страны. Интересен социальный портрет российского нувориша, нарисованный тем же журналом: мужчина несколько за сорок, родился в провинции, но закончил московский вуз, причем технический, дважды женатый, имеет двоих детей, живет преимущественно за границей, но все свои дела решает в Москве. Я бы назвал этот социальный портрет ликом интеллектуала, фанатично преданного бизнесу.

В сборнике, подводящем итоги десятилетней капитализации России, приведены биографические данные 19 богатейших россиян – от Абрамовича, Алекперова, Березовского, Вяхирева до Ходорковского, Черномырдина, Чубайса. Оказалось, что в этом списке только 4 человека относятся к демографической когорте шестидесятников (год рождения 1934–1941), остальные же родились после 1945 г., в среднем – в 1955 г. Таким образом, к нарисованному журналом

«Форбс» социальному портрету российского олигарха можно добавить дату рождения – 1955 г. Получается, что поколение восьмидесятников – самое богатое поколение в истории России!

Политическая элита. Президент Б.Н. Ельцин широко распахнул ворота Кремля для образованных и креативных демократов-восьмидесятников. Советниками Президента РФ стали историк С. Станкевич, этнограф Г. Старовойтова, математик Г. Сатаров, бывшие доценты С. Шахрай и Г. Бурбулис. В правительстве главные роли играли ученые-теоретики Е. Гайдар, С. Глазьев, А. Чубайс, А. Шохин. Молодые назначенцы Ельцина стали губернаторами во многих регионах. По данным Института социологии РАН, новая политическая элита не только помолодела, но и значительно повысила свой научный ценз: если в брежневской элите кандидаты и доктора наук составляли 22,2%, в горбачевской – 29,1%, то в ельцинской уже 48,2%.

Заметной приметой политической жизни России 1990-х годов является появление плеяды блестящих интеллектуалов, талантливых трибунов, в большинстве своем относящихся к поколению восьмидесятников. Я имею в виду Ю. Болдырева, В. Жириновского, Б. Немцова, Г. Явлинского, публичные выступления которых привлекали всеобщее внимание, так же как выступления шестидесятников Г. Зюганова, Ю. Лужкова, А. Собчака. Эти фигуры, зачастую жестко критикующие государственную власть, казались воплощением идейного плюрализма, немыслимого при советской власти. Возникли основания для того, чтобы говорить о появлении авторитетных лидеров в политической элите. В середине 1990-х годов бывшие государственные деятели оказываются во главе банков и акционерных обществ, демонстрируя сращивание политической и экономической элиты, т. е. формирование слоя олигархов. В конце ельцинского президентства олигархи столь беззастенчиво вмешивались в расстановку кадров, во внешнюю и внутреннюю политику, что стало казаться, будто они приватизировали государство. Приход к власти В.В. Путина существенно изменил политическую атмосферу в стране.

Интеллектно-этическая элита, часто именуемая *культурной* или *духовной* элитой, конституируется на иных основаниях, чем экономические и политические элиты, не случайно называемые *институциональными* или *позиционными*. Последние возглавляют формально организованные социальные институты, они обладают властными полномочиями и юридическим статусом, а интеллектно-этическая элита формально не организована и юридически не оформлена, но она пользуется общественным признанием в качестве источника актуальных идей и настроений, культурных норм, эталонов и образа жизни. Благодаря интеллектно-этической элите, интеллектуальный слой выполняет свои социально-культурные функции и поддерживает определенный уровень социальной ответственности. Надо оговориться, что успешные бизнесмены или популярные политики могут служить примерами для подражания, т. е. приобщаться к интеллектно-этической элите, образуя некоторую ее часть.

Термин «интеллектно-этическая элита» является неологизмом, значение которого необходимо пояснить. Под интеллектно-этической элитой понимаются интеллигенты и интеллектуалы, обладающие повышенной креативностью

(творческой способностью). Именно эти люди являются хранителями культурного наследия и творцами культурных новаций, они формируют самосознание общества и определяют иерархию духовных ценностей. Разумеется, интеллигентская и интеллектуальная элиты символизируются по-разному.

Нет дефицита гениальных приобретателей, сумевших в кратчайшие сроки сделаться богатейшими людьми планеты. Р. Абрамович уже сделался человеком-легендой, а ведь он родился в 1966 г. и начал заниматься коммерческой деятельностью только в 1992 г. Можно сказать, что Абрамович является символом российской экономической элиты наших дней. Политическую элиту успешно возглавляет В.В. Путин со своей дисциплинированной командой, и в оппозиции немало талантливых и ярких интеллектуалов. Символами «шоковой терапии» и «ваучерной приватизации» стали Е.Т. Гайдар и А.Б. Чубайс. Но где же общепризнанные представители интеллектно-этической элиты, властители дум и выразители духа эпохи?

Существует мнение, что поколение восьмидесятников по сравнению со своими отцами и дедами оскудело творцами отечественной культуры. Например, один из представителей этого поколения профессор Е. Ермолин (родился в 1959 г.) заявил в своем интервью: «В поколении нет ни одного сколько-то крупного философа! Ни одного великого писателя! Это ужасно» [Ермолин 2004, с. 373]. Можно добавить: ни одного великого ученого, педагога, художника, композитора! Куда же они подевались? Разве в российской литературе, философии, науке, искусстве не осталось талантливых и креативных элитных персонажей? Дело в том, что произошла, так сказать, реструктуризация гуманитарного интеллектного слоя, которая заключается в следующем:

интеллектуальная элита расширяется и процветает, дифференцируясь на две субэлиты: бизнес-элита и постмодерн-элита; не достигающие элитного уровня слои интеллектуалов-специалистов и исполнителей также увеличиваются;

интеллигентская элита представлена преимущественно старшими поколениями, а не восьмидесятниками; интеллигенты-восьмидесятники концентрируются на локальном и корпоративном уровне, избегая общенациональной публичности, рыночной конкуренции, техницизма и погони за прибылью.

К печальному выводу об исчезновении интеллигентской элиты в поколении восьмидесятников приходит А.С. Ципко: «Наверное, никогда в истории России общественная мысль и гуманитарная интеллигенция, прежде всего либерального толка, не были так далеки от народа, от его жизни, как сейчас... Поразительно, но впервые в истории России от народа, его бед и страданий отвернулись и литература, искусство, театр, кино... Не может наша интеллигенция выжить, претендовать на роль элиты, пребывая в нынешнем состоянии отчуждения к бедам народа» [Ципко 2001]. Соглашаясь с выводом автора, я бы подкорректировал его терминологию. Нужно различать интеллигентскую элиту и основную массу рядовой интеллигенции. Гуманитарная элита в лице лидеров постмодернизма и шоу-бизнеса, действительно, как выразился А.С. Ципко, «сознательно творит общество для себя и под себя, откровенно игнорируя элементарные интересы и запросы подавляющей части населения». Другое дело учителя, врачи,

библиотечные работники и другие служители культуры, многие из которых (далеко не все!) продолжают свою интеллигентскую миссию.

Таким образом, вырисовываются *три образа интеллектно-этической элиты поколения восьмидесятников*: а) интеллектуальная бизнес-элита; б) интеллектуальная постмодерн-элита; в) отсутствующая интеллигентская элита (вакансия). Отсутствующую интеллигентскую элиту замещает неэлитарная интеллигенция интеллектного слоя, в том числе культурные подвижники и культурные лидеры регионального и корпоративного уровня. Более того, есть основания предположить, что именно среди последних преобладают интеллигентско-альтруисты, благоговеющие перед отечественной культурой. Характерные особенности перечисленных интеллектно-этических элит видятся в следующем:

а) интеллектуальная бизнес-элита представлена профессиональными деятелями литературы, искусства, средств массовой информации, народного образования, расчетливо продающими свои креативные способности и образовательный капитал за свободно конвертируемую валюту. Они «нашли ту небольшую нишу в новых структурах, которая позволяет им несказанно увеличивать свои доходы по сравнению не только со своими нынешними коллегами, но и относительно, со шкалой доходов интеллигенции в прошлом» [Покровский 1996, с. 36]. Как стало известно, в 2004–2005 гг. годовой доход 15 звезд российской эстрады превысил миллион долларов, причем лишь Алла Пугачева (3,1 млн) и Максим Галкин (1,5 млн) выпадают из возрастных границ восьмидесятников, остальные же – представители этого поколения. Как, кстати, и писатели-миллионеры Дарья Донцова (2,1 млн), Борис Акунин (2,0 млн), Александра Маринина (1,0 млн) [Комсомольская правда 2005, с. 42–43; Аргументы и факты 2005, с. 10–11].

Отбросив черную зависть, нужно порадоваться за удачливых коллег, но не следует забывать, что их коммерческий успех возможен только в условиях общества массового потребления, предъявляющего платежеспособный спрос на примитивную китч-культуру. Поэтому повышение интеллектно-этического уровня населения, его просвещение и гуманизация для них нежелательны, ибо духовные потребности просвещенной интеллигенции трудно удовлетворить. Что же касается интеллигентности самой бизнес-элиты от культуры, то, как сказал поэт, «в сердцах, восторженных когда-то, есть роковая пустота».

Почему же эти бизнесмены востребуются не только невзыскательной публикой, но и государственными органами? Почему им доверяется репутация «лучших людей», т. е. современной российской элиты? Китч-культура – явление рыночное, стихийное, но в условиях современных социальных трансформаций оно приобретает политическое значение, потому что манипулировать примитивным сознанием легче, чем этически развитым. Создается впечатление, что российская политическая элита умышленно поддерживает художественную китч-элику, заполняющую телевизионный эфир и книжные магазины⁶.

⁶ Об этом впечатлении не без боли душевной написал драматург и публицист-восьмидесятник Ю. Поляков в статье [Поляков 2005].

б) Интеллектуальная постмодерн-элита является закономерной реакцией на наступление китч-культуры. Если массовая китч-культура является детищем мезальянса коммерции и искусства, то элитарный постмодерн лежит в русле естественного эстетического процесса и представляет собой закономерный итог этого процесса в конце XX в. Более того, постмодерн перенасыщен и даже переизбыщен культурным наследием гениев прошлого, он «устал от культуры» и предпочитает не новаторское творчество, а изысканные и кокетливые интеллектуальные «игры в бисер».

Постмодерн-элиту образуют креативные личности, самозабвенно, точнее – фанатично преданные искусству. В их рядах почти нет интеллигентов-гуманистов, зато преобладают снобы, скептики и интеллектуалы, обладающие сильно развитым чувством избранничества, элитарности. Как правило, они уверены в своей исключительности, презирают корыстолюбивую серую массу, и многие высокомерно заявляют той же массе: я – гений! Уязвимым местом отечественного постмодернизма является его подражательность, вторичность. Главными авторитетами и наиболее цитируемыми классиками являются Т. Адорно, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Лиотар, М. Фуко, М. Хайдеггер и, конечно, Ф. Ницше – подлинный пророк постмодерна. Вспоминаются слова последнего о гении культуры, который «употребляет в качестве своих орудий ложь и самый беззастенчивый эгоизм» и при этом увенчан «крылами ангела на голове» [Ницше 1990, с. 368].

Отличительными чертами постмодерн-элиты являются, по моему мнению, гордый индивидуализм, эпатазирующий дегуманизм, эстетствующий эротизм и пессимистический скептицизм, которые питаются не исконно русскими традициями, а заимствованными западными концепциями. Благодаря этому русские постмодернисты пользуются признанием на Западе, получают гранты и престижные премии, создающие им имидж элиты мирового класса. Главный порок отечественного постмодернизма мне видится не в безобидной подражательности, а в распространении дегуманизма и пессимизма, противопоставленных России, переживающей глубокий системный кризис.

Интеллектно-этические изменения поколений.

Суть восьмидесятничества

Теперь обратим внимание на те интеллектно-этические изменения, которые отличают поколение восьмидесятников от поколения шестидесятников. Эти изменения, разумеется, просматриваются в лицах восьмидесятников, обрисованных выше, но сейчас сформулируем и охарактеризуем их в явной форме. Вот они:

дегуманизация и этический вакуум;
ирония как форма мировосприятия;
утилитаризм как принцип жизнедеятельности.

Для интеллигентов-шестидесятников приоритетными ценностями были бескорыстный альтруизм, забота об общественном благополучии, презрение к пошлости и насилию, благоговение перед культурой. В постсоветской России произошла девальвация гуманистических интеллигентских ценностей, которая трав-

мировала не только престарелых шестидесятников, но и воспитанных в советских школах восьмидесятников. Например, один из травмированных интеллигентов с недоумением восклицал: «Мы всегда знали, что бескорыстный труд ценнее, чем оплаченный. Что человек, работающий не для себя, не для заработка, должен пользоваться уважением в обществе. Что если кто-то посвящает свою жизнь служению бескорыстному, он должен быть выше в глазах общества, чем тот, кто стремится разбогатеть... Нас объединяли какие-то другие, небуржуазные ценности, которые мы передали своим детям, внушая им, что не в деньгах счастье, что не богатством измеряется благополучие и достоинство человека. Но уже сейчас дети некоторых наших знакомых на такие родительские наказания отвечают усмешкой, недоверием, а то и грубостью: мол, это вы, дураки, ничего не нажили, а мы поумнее вас» [Розовская 1990, с. 31]. Авторитетный социолог Н.Е. Покровский подтверждает: «В наши дни профессор университета – профессия весьма сомнительного престижа (не мог никуда “по делу” устроиться, вот и работает профессором). То же касается любой другой “умной” профессии в искусстве, науке, медицине, школьной педагогике» [Покровский 1996, с. 35].

Не хочется радостно приветствовать избавление России от гуманистической интеллигентности и присоединяться к злословию «постгуманиста» В. Ерофеева: «Переход от “шестидесятничества” к *новой волне* в культуре выражается, прежде всего, в резком ухудшении мнения о человеке. Крушение гуманизма (как казенного, так и “подлинного”) запечатлелось в здоровом скептицизме, в понимании того, что зло в человеке лежит глубже, по словам Достоевского, чем это кажется лекарям-социалистам и убежденным демократам, совсем глубоко, на самом дне, откуда ласково взирает на нас входящий в моду маркиз де Сад» [Ерофеев 1996, с. 442]. Однако поневоле приходится признать, что дегуманизация – сущностная черта поколения восьмидесятников. Что компенсирует этический вакуум? Ирония! Ироническое отношение к реальному миру – другая сущностная черта поколения восьмидесятников. Я бы даже назвал его *ироническим* поколением русской интеллигенции.

Почему ирония стала так популярна во времена дряхлеющего советского тоталитаризма? Ю.М. Поляков поясняет: «Отличительная черта моего ровесника – ирония. Блистательный щит иронии! Мы закрывались им, когда на нас обрушивались грязепады выпененного вранья и, может быть, поэтому не окаменели» [Поляков 2004, с. 218]. Поистине щит иронии был необходим, потому что в 1980-е годы взрослеющей советской молодежи, по крайней мере, трижды пришлось пережить болезненное разочарование. Во-первых, разочарование в коммунистических идеалах, знакомых со времен золотого детства; во-вторых, разочарование в юношеском увлечении – интеллигентских иллюзиях горбачевской перестройки; в-третьих, разочарование в блистательных демократах, алчущих личного обогащения. В чем же все-таки привлекательность и сила иронии? Была ли она знакома шестидесятникам и героическому поколению советских интеллектуалов?

Недавно на русский язык было переведено философско-психологическое эссе французского мыслителя В. Янкелевича (1903–1985), посвященное роли иронии в европейской культуре с античности до наших дней [Янкелевич 2004]. Янке-

левич очень серьезно, в духе классической филологии изучил разные ипостаси иронии. Он соглашается с тем, что ирония, строго говоря, есть псевдология, т. е. «лжевысказывание», потому что ей «свойственно думать одно, а говорить другое». Но ирония вовсе не злонамеренная ложь, пытающаяся сбить свою жертву с пути истинного. Напротив, она побуждает к умственному движению, помогает проникнуть в задние мысли, читать между строчками, понимать с полуслова. Отсюда следует, что в условиях тоталитарной идеологии люди, желающие «жить не по лжи» (А.И. Солженицын), не могут пренебрегать иронией. Замечательное свойство иронии в том, что она не может быть оружием лжи, она служит только правде. «Ирония губительна для всякой иллюзии. Она повсюду раскидывает и тклет паутину, куда попадают педанты, честолюбцы, гордецы... Ирония ежесекундно смущает и расстраивает напыщенный “священнодействующий” педантизм, уже готовый было утвердиться в своем ограниченном самодовольстве» [Там же, с. 137]. Получается, добавлю я, что иронизирующий человек в тоталитарном государстве – неконформист и потенциальный диссидент.

«Ирония многообразна и многолика. Важно различать жестокую, *пессимистическую* иронию, когда иронизирующий желчен, презрителен, агрессивен, и иронию *юмористическую*, представляющую собой воистину “улыбку разума”, а не упрек или суровый сарказм. Пессимистическая ирония смыкается с *цинизмом*, который есть “не что иное, как исступленная, неистовая ирония, которая забавляется тем, что эпатирует обывателей”» [Там же, с. 11]. В то время как пессимистическая ирония презирует глупое человечество, обращается с ним, «как с трупом», юмор проявляет сочувствие к объекту насмешки, он оказывается его тайным участником, чувствует свою близость к нему. Можно сказать, что *ирония* – *исповедь поколения*, потому что она представляет собой признание и покаяние в грехах. Обращение к истории советской интеллигенции подтверждает этот вывод.

Героическое поколение, несомненно, поколение серьезное, угнетенное тяжелой идеологией, но не греховным корыстолюбием. Ему свойственны простая и наивная вера в светлое будущее, готовность к самоотверженной борьбе и труду, а не к двусмысленным «псевдологиям». Его сознание исполнено наивным энтузиазмом и неискоренимыми иллюзиями, которые просто провоцировали иронический интеллект. Интеллектуальная ирония отчетливо просматривается в произведениях М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, Д. Хармса, Н. Олейникова, но она была чужда пафосу социалистического реализма, нашедшему выражение в убогой идее *бесконфликтности*.

Ирония *шестидесятников* – это юмористическая интеллигентская ирония, зачастую добродушная, но не лишенная скрытой насмешки. Она неизменно остается «врагом педантов, честолюбцев, гордецов». Символами иронического шестидесятиничества, на мой взгляд, могут служить А. Райкин и жизнерадостный «Клуб веселых и находчивых» – КВН, придуманный остроумными студентами 1960-х годов. Иронизирующие шестидесятники оправдывали характеристику иронии как «великого искусства и высшей свободы, самой дьявольской, интеллигентной (!) и смелой» [Там же, с. 55]. Пространством формирования неподцензурной иронии в 1970-е годы стал андерграунд, где циркулировал самиздат и звучали магнитофонные записи бардов. Мы знаем о трагической

судьбе шестидесятников, это поколение нельзя назвать «юмористическим», но тем не менее их ирония была интеллигентской!

Теперь определим, можно ли иронии *восьмидесятников* считать интеллигентской. Как было сказано, для юных *восьмидесятников* ирония стала защитной броней, но затем в травмированном перестройкой обществе превратилась в оружие агрессивного, порой – циничного отрицания. Рациональные эгоисты-приобретатели, отбросив этические ценности русской интеллигенции, успешно использовали в жизненной борьбе жестокую иронию, чреватую пессимистическим разочарованием. Они достигли своей цели. Можно сказать, что беспощадная ирония *восьмидесятников* нокаутировала одряхлевшую коммунистическую идеологию. Беда в том, что ирония хорошо служит разрушению, а не созиданию. Пресыщение иронической рефлексией, отбивающее охоту к серьезной общественной деятельности, – отличительная черта *восьмидесятничества*, позволяющая назвать поколение *восьмидесятников* ироническим, имея в виду не добродушно-снисходительный интеллигентский юмор *шестидесятников*, а язвительную «насмешку горькую обманутого сына над промотавшимся отцом».

Обобщая сказанное, динамику иронических настроений в поколениях русской интеллигенции можно увязать со сменой эстетических стилей и представить в виде следующей схемы:

героическое поколение советских интеллектуалов – господство весьма серьезного социалистического реализма с отдельными вкраплениями юмористической иронии;

шестидесятники – размывание норм социалистического реализма и возрождение интеллигентской эстетики модернизма, сопровождаемой юмористической иронией с вкраплениями иронии пессимистической;

восьмидесятники-интеллектуалы – господство постмодернизма и пессимистической иронии.

Теперь очевиден ответ на вопрос, можно ли иронии *восьмидесятников* считать интеллигентской? Конечно, нет! Таким образом, подтверждается весьма важный факт: *шестидесятничество* включает интеллигентность как существенный и необходимый признак, а *восьмидесятничество* ориентировано на эстетику интеллектуализма.

Утилитаризм представляет собой принцип оценки всех явлений исключительно с точки зрения их полезности, пригодности служить средством для достижения какой-либо цели. Этот принцип до последнего времени казался чуждым русской духовности и сочувствия не вызывал. Но в постсоветские времена утилитаризм привлек внимание наших теоретиков, потому что, как оказалось, причина психической травмы *восьмидесятников* заключается в вынужденной замене привычного коллективизма индивидуалистическим утилитаризмом.

Восьмидесятники, воспитанные в социалистическом мире, воспринимали *коллективизм* как заданное жизненное условие («мир – условие») и жизненную стратегию понимали как адаптацию к этому миру. Суть этой адаптации состояла не в инициативной самореализации, а в послушном и неукоснительном следовании авторитетным традициям, принятым в этом мире. Образцами служили люди героического поколения, строители социализма и победители врагов советской власти. Социалистическая этика отрицает личностную автономию и

осуждает индивидуализм, она подчиняет волю индивида воле социалистического коллектива. Отрицаются и осуждаются также утилитаристские (мещанские) склонности к личному приобретательству, обогащению, потреблению. Утверждается патернализм в лице верховной власти, гарантирующий социальную справедливость, защиту интересов каждого, равенство всех и социальное обеспечение нуждающихся. Сказанное дополняют слова академика Т.И. Заславской: «Характерными чертами советских людей были патерналистский тип сознания, слабая ценность самостоятельности, независимости и личной инициативы. Большинство проявляло слабый интерес к новациям, самоорганизации, самоуправлению, отчужденно воспринимало разные начинания власти и общественные инициативы» [Заславская 2004, с. 174].

Утилитаризм воспринимает мир как средство, предназначенное для удовлетворения человеческих потребностей и желаний («мир – средство»). Этика утилитаризма противоположна коллективистской этике. Вместо патерналистских предписаний и социальных традиций признается единственно принцип полезности («истинно то, что полезно»); вместо установок на подчинение коллективным интересам, самоограничение и умеренность притязаний. Утилитаризм санкционирует в качестве терминальных ценностей успех, удовольствие, благополучие, которые желательно приобрести здесь и теперь. Не признаются абсолютные этические нормы, человек произвольно выбирает средства и методы достижения своих целей, которые могут варьироваться от конформизма и соглашательства до откровенного цинизма.

Коллективистское мировоззрение и индивидуалистическое утилитарное мировоззрение несовместимы, отсюда – та психическая травма, жертвой которой стали многие восьмидесятники. Мы уже обращали внимание на раскол поколения на тех, кому трудно адаптироваться в новых условиях, и тех, кто успешно процветает. Первых естественно отнести к коллективистам, вторых – к утилитаристам, источником процветания которых была приватизация социалистической собственности, т. е. узаконенный властью грабеж. В итоге получается следующая грубая схема:

шестидесятники – господство коллективистского мировоззрения при вкраплениях замаскированного утилитарного сознания;

восьмидесятники – господство утилитаризма в сознании интеллектуальной элиты при стойко сопротивляющемся коллективизме в сознании интеллигенции.

Из этой схемы вытекает, что если суть шестидесятничества заключается в возрождении духа русской интеллигентности, то суть восьмидесятничества состоит в ироническом отрицании интеллигентности ради принципа утилитаризма. Но не все поколение восьмидесятников охвачено этой сутью.

Интеллектно-этический кентавр шестидесятников

Как показало проведенное нами изучение жизненных ожиданий и притязаний гуманитариев-восьмидесятников (более 200 человек библиотечных работников), есть интеллигенты, не спешащие расстаться со своей интеллигентностью.

Фактически они являются хранителями интеллектно-этических идеалов шестидесятиничества в среде утилизирующихся современников. Удалось выявить следующие типичные цели:

а) *Семейное счастье*: «Вырастить детей достойными, образованными, трудолюбивыми, чтобы они могли многого добиться в этой жизни»; «Моя цель в жизни – вырастить достойного сына, чтобы он был порядочным, умным и опорой в старости. Я стараюсь сделать все, что возможно, для этого». У подавляющего большинства интеллигентных женщин семья – приоритетная ценность, за которой следуют хорошая работа, успешная карьера, саморазвитие и самосовершенствование, верные друзья.

б) *Успешная служебная карьера*: получить образование и найти интересную и достойно оплачиваемую работу с тем, чтобы «смотреть на окружающий мир глазами, полными надежды и уверенности в завтрашнем дне»; «Моя цель – стать отличным специалистом своего дела»; «Мои ценностные ориентиры: личное достоинство, материальный достаток, предприимчивость, свобода».

Хотя около 30% респондентов планируют сделать карьеру в частном секторе, никого (!) не привлекает перспектива стать владельцем фирмы, открыть свое дело, начать бизнес. Все довольствуются привычным амплуа работника по найму. Еще один показательный факт: только 12 человек из 192 признались, что они мечтают приобщиться к высшему классу очень богатых людей, обладать роскошным жильем, разнообразным личным транспортом, штатом обслуживающего персонала и т. п. Остальные довольствуются уровнем доходов среднего класса, трехкомнатной квартирой в городе и загородным летним коттеджем. По-видимому, относительная скромность материальных притязаний гуманитариев-восьмидесятников объясняется их социалистическим воспитанием, которое сопротивляется усиливающемуся натиску утилитаризма.

в) *Самосовершенствование, повышение интеллигентности*: «Смысл жизни для меня состоит в самосовершенствовании, в постоянном обучении чему-то всю жизнь»; «Обрести духовное совершенство и гармонию»; «Если я не буду в будущем выдающимся человеком, то заурядным, разочарованным тоже не буду. Нужно всю жизнь совершенствоваться, никогда не останавливаться»; «Прожить жизнь с честью и достоинством, не потерять свою духовность, чтобы никогда не было стыдно ни за себя, ни за свои мысли и поступки»; «Смысл жизни вижу в развитии и реализации универсального потенциала, которым меня наградила природа». Следы перестроечной травмы можно усмотреть в смысловых установках: «Цель моей жизни стать самодостаточным человеком»; «Стать независимой женщиной, обрести уверенность в себе, чтобы не было страха перед завтрашним днем».

Мне импонирует бескорыстный альтруизм, который видится в следующих целях:

г) *Приносить людям пользу*: «Прожить жизнь как можно безупречнее, быть полезным людям»; «Я хочу помочь как можно большему числу нуждающихся: усыновить не менее семи детей и создать дома микрокосм гармонии и любви». Автор последнего высказывания не экзальтированная девушка, а библиотекарь из Липецка, зрелая женщина 33 лет. Удивительно, что в наших диалогах почти

не звучали мотивы эвдемонизма, личного мещанского счастья. Иногда только кто-то с печалью признавался: «Я всегда мечтала иметь небольшой отдельный домик с садом, где много цветов. Я мечтала о том, как я буду его обустраивать, украшать, лелеять, но этой мечте не суждено сбыться».

д) *Не загадываю* – во всяком поколении немало людей, не имеющих определенной жизненной цели, и восьмидесятники не исключение. «Моя цель – жить, просто жить, работать, любить, страдать, испытывать все известные человечеству чувства. А жизнь при любом удобном случае сама повернет и поведет тебя, и это уже твое личное дело – сопротивляться ей или плыть по волнам судьбы»; «Цели в жизни не было. Карьерного роста не добивалась. Работала, отдавая работе все силы и душу. Единственное, чего хотелось, это спокойствия и стабильности»; «Если говорить о главной цели, то ее, вероятнее всего, и не было. Просто по ходу жизни возникали рубежи, которые нужно было преодолеть. На каком-то этапе – это воспитание дочери, на другом – поступление в университет и так далее»; «Моя цель в жизни выражается фразой: Делай, что должно, а там будь, что будет».

Надо отметить, что практически всегда респонденты добавляли: всеми достижениями я обязан самому себе, спасибо близким и друзьям, которые поддерживали меня в трудную минуту. Подлинно интеллигентские установки проявляются в отборе средств достижения жизненных целей. Например: «Важно помнить о том, что цели не оправдывают средства и достигать их нужно, не роняя своего достоинства, так, чтобы не испытывать впоследствии неловкости за себя или угрызений совести. Нельзя забывать, что ребенок учится жизни прежде всего в семье, и потому – на мне ответственность за каждое слово, каждый поступок». Не зря одна из многодетных библиотекарей написала: «Я получаю высшее образование не только для того, чтобы стать наиболее квалифицированным специалистом в своей сфере, но и для того, чтобы больше понимать в этой жизни. Я хочу показать пример своим детям, чтобы они выбрали “путь”, а не “беспутицу”».

В ходе диалогов респонденты назвали следующие *положительные качества* интеллигентных восьмидесятников: *жизненная стойкость, оптимизм, предприимчивость, трудолюбие*: «Сильными и привлекательными чертами моего поколения являются умение трудиться, добросовестно и инициативно выполнять свою работу»; «Мы – поколение, готовое к любым трудностям; нас не сломили, а только закалили испытания 1990-х годов»; «Мне нравятся жизнерадостность, юмор моих сверстников»; «Практицизм, трудоспособность, упорство и выживаемость, гибкость – сильные черты моего поколения»; *интеллектуальное развитие, стремление к знаниям, овладению культурой*: «В большинстве своем мое окружение – думающие, духовно развитые, много читающие люди»; «Мне все интересно, хочется жить в гармонии с окружающим миром и окружающими меня людьми. Поэтому я постоянно себя образовываю, доучиваю, совершенствую»; *альтруизм, доброта, дружелюбие, гуманность*: «Есть немало людей, способных прийти на помощь, жертвовать собой ради других, способных встать на защиту справедливости, любить и дружить не ради денег и славы, а просто, чтобы оставаться настоящими людьми»; «Я всегда ощущаю поддержку родных,

плечо друзей и верю, что добрых людей в мире большинство. Всегда живу по правилу: отнесись к людям так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе»; «Способность к любви и искренней дружбе, самопожертвованию, – вот качества моего поколения»; «Мы стремимся воспитать детей порядочными людьми, заботящимися не только о себе, но и о ближнем своем»; *коллективизм*: «Самой замечательной чертой моего поколения является чувство коллективизма. 20 лет прошло с тех пор, как мы окончили школу, но до сих пор мы всегда рады встрече и готовы, если нужно, поддержать друг друга. Если мы узнаем, что у кого-то из наших проблемы, то объявляем сбор»; *патриотизм, ответственность за свое дело*: «Мое поколение несет ответственность за судьбу страны, потому что мое поколение – уже сформировавшиеся личности»; «Несмотря на развал промышленности и культуры, находились энтузиасты, которые старались сохранить достигнутое. Учителям не платили зарплату, а они работали, зная, что дети не виноваты»; «Мы были пионерами и комсомольцами, в нас воспитывали любовь к Родине, и многим мальчикам пришлось доказывать ее на поле боя в Афганистане и в Чечне».

Автопортрет поколения, нарисованный нашими респондентами, не соответствует сущности восьмидесятничества, только что сформулированной нами. Не обнаруживается дегуманизма, иронического разрушения этико-культурологического идеала, а самое главное – нет культа утилитаризма с его принципом «хорошо то, что полезно». Этот автопортрет соответствует формуле интеллигентности, а не формуле интеллектуальности, как можно было бы ожидать. Чем объяснить этот казус?

Дело в том, что при выявлении сути восьмидесятничества мы ориентировались на элиты, считая, что именно элитам положено символизировать поколение. Мы получили галерею элитарных интеллектуалов (олигархов, бизнесменов, политиков, поп-звезд, постмодернистов), но не обнаружили элитарных интеллигентов. Было выдвинуто предположение, что интеллигентно-восьмидесятники концентрируются не в элитных кругах, а в исполнительском корпусе интеллектного слоя. Библиотекари, учителя, клубные работники, принявшие участие в наших исследованиях, как раз и входят в состав этого корпуса.

Получается, что, если в поколении шестидесятников были *интеллигентны* как интеллектно-этическая элита, так и исполнительский корпус, то в поколении восьмидесятников элита *интеллектуальна*, а неэлитарный интеллектуальный слой сохранил качество *интеллигентности*, несмотря на неблагоприятные условия его существования. Получился *интеллектно-этический кентавр*: голова интеллектуала, а корпус интеллигента. Но ведь именно от этого «корпуса», образованного десятками тысяч учителей, врачей, библиотекарей, работников культуры, зависит духовное и физическое здоровье русского народа. От этого «корпуса» зависит интеллигентность постсоветского поколения, формирующегося сейчас в школах и в вузах. Впрочем, разговор о российских интеллигентах и интеллектуалах XXI в. выходит за рамки настоящей статьи.

Литература

- Аргументы и факты. 2005. № 31.
- Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века: Учеб. пособие. СПб.: Петербургский институт печати, 2003.
- Безгрешнова А.М. Смена поколений как социокультурная проблема (К истории изучения) // Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2005.
- Белоцерковский В.В. Путешествие в будущее и обратно. Повесть жизни и идей: В 2 кн. Кн. 2. М.: Летний сад, 2005.
- Большая советская энциклопедия: 2-е изд. Т. 18. 1953.
- Большая советская энциклопедия: 3-е изд. Т. 10. 1972.
- Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
- Буковский В. И возвращается ветер... Нью-Йорк, 1978.
- Буланин Д.М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб.: Изд-во Дм. Буланин, 2005.
- Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: Изд-во ГПУ, 1999.
- Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.
- Горбачев М.С. Перестройка и новое мышления для нашей страны и всего мира. М.: Политиздат, 1987.
- Горбачев М.С. Размышления о прошлом и будущем. М.: Терра, 1998.
- Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс – Традиция, 2001.
- Грушин Б.А., Чикин В.В. Исповедь поколения. М.: Молодая гвардия, 1962.
- Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Евтушенко Е. Волчий билет. М.: Вагриус, 1998.
- Ермолин Е. Реабилитация свободы // Континент. 2004. № 1.
- Ерофеев В. Энциклопедия русской души. М.: Зебра Е, 2005.
- Ерофеев Вик. Крушение гуманизма № 2 // Ерофеев В. Страшный суд: Роман. Рассказы. Маленькие эссе. М.: Зебра Е, 1996.
- Заславская Т. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему. М.: Прогресс, 1988.
- Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Изд-во «Дело», 2004.
- Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.
- Комсомольская правда. 2005. 4–11 августа.
- Кому принадлежит Россия. 10 лет капитализма в России. М.: Вагриус, Коммерсантъ, 2003.
- Кормер В.Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура. М.: Традиция, 1997.
- Кузичева А. «Люди Чехова» обречены на исчезновение // Известия. 1992. 11 января.
- Кумпан Е. Наши старики // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы: Сб. ст. СПб.: Изд-во «Деан», 2000.
- Литературная газета 14–20 декабря 2005 г.
- Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970.
- Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. М.: Время, 2004.
- Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Финансы и статистика, 1987.

- Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
- Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991.
- Покровский Н.Е. Российская интеллигенция перед историческим выбором // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. М., 1996.
- Поляков Ю. Писатели и пипы // Литературная газета. 2005. 14–20 декабря.
- Поляков Ю.М. Томление духа // Поляков Ю.М. Россия в откате: Пьесы, публицистика. М.: РОСМЭН, 2004.
- Розовская И. Реформа без героя, или еще одно размышление на тему «Кому на Руси жить» // Знание – сила. 1990. № 8.
- Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Синявский А.Д. Диссидентство как личный опыт // Синтаксис. 1985. № 15.
- Синявский А.Д. Открытое письмо А. Солженицыну // Синтаксис. 1991. № 31.
- Советская интеллигенция: Словарь-справочник. М.: Политиздат, 1987.
- Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: ГУП, 2007.
- Соколов А.В. Формула интеллигентности // Вопросы философии. 2005. № 5.
- Урланис Б.Ц. История одного поколения. (Социально-демографический очерк.) М.: Наука, 1969.
- Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1991.
- Цвигун С. О происках империалистических разведок // Коммунист. 1981. № 14.
- Ценности социальных групп и кризис общества: сб. статей / Отв. ред. Н.И. Лапин. М.: ИФАН, 1991.
- Ципко А. Ослепление и наказание // Литературная газета. 2001. 23 мая.
- Ципко А.С. Головокружение от перестройки // Литературная газета. 2005. 19–25 января.
- Ядов В.А. Проблемы российских трансформаций. СПб.: Изд-во ГУП, 2006.
- Янкевич В. Ирония. Прощение: пер. с фр. М.: Республика, 2004.
- Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. N.Y., 1989.